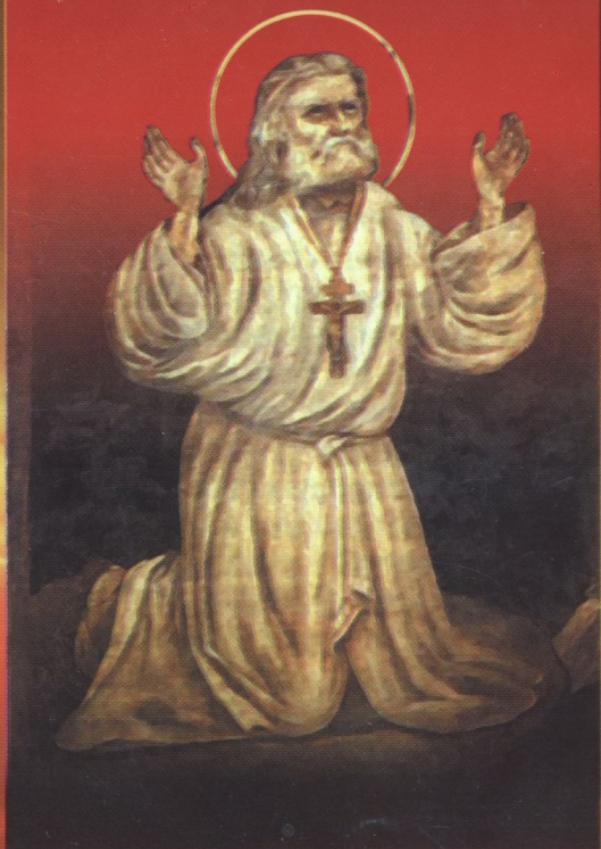

100

ПРОРОЧЕСТВ
СЕРАФИМА
САРОВСКОГО

100
ПРОРОЧЕСТВ
СЕРАФИМА
САРОВСКОГО

МИНСК
СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТОР
2003

УДК 281.9
ББК 86.2
С 81

Автор-составитель Е. Л. КУЛЬБЕДА

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

С 81 100 пророчеств Серафима Саровского/Авт.-сост. Кульбеда Е. Л. — Мн.: Современный литератор, 2003.— 64 с.

ISBN 985-14-0415-2.

Перед вами жизнеописание и свод пророчеств великого христианского духовного подвижника, святого старца Серафима Саровского (1759—1833), чьи пророческие откровения являются не плодом воображения, а следствием абсолютного подчинения собственной воле Создателя. Среди откровений Саровского — пророчества о голоде и холере в России, о Крымской войне 1853—1855 гг., восстании декабристов, царской власти и власти большевиков, о своей кончине и многие другие.

**УДК 281.9
ББК 86.2**

ISBN 985-14-0415-2

© Современный литератор, 2003

*Пророк не тот, кто способен мыслить
о Боге, но кто собою, в жизни, о Нем возвещает,
чьими устами говорит Бог.*

Протоиерей Сергей Булгаков

СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

Согласно общепринятому толкованию слово «пророк» означает предсказатель воли божества, богов в религиозно-мистических представлениях; второе значение слова — предсказатель будущего. Смысловое различие двух значений очевидно: исторически пророк (прорицатель) — жрец какого-либо религиозного культа, удостоенный чести быть приближенным к Богу и воспроизводить простым смертным Божественную волю. То есть согласно этому толкованию пророк лишь озвучивает промысел Божий, полностью подчиняясь Божией воле.

Второе определение слова — более современно, вторично. Пророк в данном случае не связан принадлежностью к конкретному религиозному институту и, естественно, не является выразителем чужой воли. Его откровения о будущем — плод знаний, сконцентрированности и воображения. Предсказатель использует свои подсознательные, экстрасенсорные возможности, заглядывает глубоко внутрь себя, чтобы увидеть будущее мира внешнего. То есть он не выражает чужую волю, а раскрывает свой духовный потенциал, обостренно воспринимая тайные знаки подсознания.

Серафим Саровский — из плеяды великих прорицателей христианства, начало которым положил Исайя и другие библейские пророки. Как его жизненный подвиг потрясает воображение современников степенью самоотречения и глубиной веры, свойственным первым христианским праведникам, так и его пророческие откровения являются не плодом воображения, а следствием абсолютного подчинения собственной воли воле Создателя. Пожалуй, он последний из пророков нового мира, черпающий вдохновение не в своем внутреннем мире, а в радости полного самоотречения.

Свое ясновидение праведник объяснял не какими-то природными способностями, а силой своей веры и молитвы, полным подчинением своей воли воле Господа. Себя старец считал лишь сосудом, через который Божий промысел доводится до смертных: «Как железо ковачу, так я передал себя и свою волю Господу Богу: как Ему угодно, так и действую; своей воли не имею, а что Богу угодно, то и передаю... Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю указанием Божиим и говорю, не зная, что у собеседника на душе, а только верую, что так мне указывается воля Божия для его пользы». Эта вера, величайшее смирение и пламенная любовь к Богу сделали его вещественным и драгоценным сосудом, вмещавшим в себе Божественный огонь.

Много из происшедшего в нашей стране предсказывал Серафим Саровский. Непонятны были эти предсказания современникам, но теперь мы знаем, что великий старец предсказал и трагическую судьбу последнего русского царя и его семьи, и то, что Саровский монастырь будет уничтожен и разграблен большевиками и что исчезнет само название города Сарова. Временной диапазон его пророчеств чрезвычайно велик: от нескольких лет до столетий.

Серафим Саровский (в миру — Прохор Мошнин) родился 19 июля 1759 года в городе Курске в купеческой семье Исидора и Агафьи Мошниных. Родители его были примерными христианами, усердно посещали православные храмы, занимались благотворительностью. В семье Мошниных царил дух благочестия, что создавало особую атмосферу для развития младенческой души. Разумеется, отец видел в сыне наследника своего дела, а православное воспитание считал неотъемлемым атрибутом духовного облика русского купца. Всю свою жизнь он занимался постройкой каменных зданий, в том числе и церквей, а незадолго до рождения сына начал возведение храма в честь преподобного Сергия Радонежского в родном городе. Когда Прохору было три года, отец его неожиданно умер, единственной воспитательницей мальчика стала его мать.

Агафья Мошнина была на редкость чуткой матерью, легко угадывающей душевные порывы сына. Тонкая духовная организация и искренняя вера в христианские идеалы избавляли Агафью от одномерного восприятия мира, внушали убежденность в неслучайности, божественном промысле многих жизненных явлений. Она продолжала постройку начатой мужем церкви, причем сама контролировала все работы. Однажды они с семилетним Прохором осматривали недостроенное здание, и мальчик по неосторожности упал с колокольни на землю. Агафья в ужасе сбежала с колокольни, думая, что ее сын разбился до смерти, но с удивлением и радостью увидела его стоящим на ногах, целым и невредимым. Глубинным, внутренним зрением мать увидела прикосновение десницы Божией к сыну, уверовала в его высокое предназначение на земле. Укрепил ее уверенность и известный в Курске юродивый, сказавший Агафье: «Блаженна ты, вдовица, имея сие детище, ибо будет оно крепким предстателем пред Святой Троицею и горячим молитвенником за весь мир».

Прохор был очень восприимчивым мальчиком, и когда его стали обучать церковной грамоте, легко усваивал учебный материал. Агафья с радостью отмечала его добровольное усердие, светлый ум и живую память. Он охотно читал в уединении церковную литературу, нисколько не утомляясь ее тяжеловесным стилем и нравоучительным характером. Столь же охотно, безо всякого принуждения мальчик читал духовно-назидательные книги вслух по просьбе взрослых и сверстников.

Когда Прохору шел десятый год, судьба послала ему серьезное испытание: мальчик тяжело заболел. Он не вставал с постели, практически не принимал пищу и дошел до крайней степени истощения. Врачи терялись в догадках о природе его недуга и фактически признали свою беспомощность в излечении мальчика, в результате чего домашние уже не надеялись на его выздоровление. В это время впервые во сне Прохор увидел Царицу Небесную, которая пообещала его навестить и вылечить. Мальчик рассказал о своем сне матери, и они оба с верою стали ожидать его исполнения.

Вскоре предсказание Богоматери сбылось. В Курске проходил крестный ход, и верующие несли чудотворную икону Знамения Божией Матери. Когда икону пронесли по Сергиевой улице, где жили Мошнины, разразилась гроза и начался сильный дождь. Богомольцы вынуждены были зайти во двор Мошниных, чтобы переждать ненастье. Агафья незамедлительно вынесла больного сына и приложила его к иконе, а затем святую икону пронесли над мальчиком. После этого мальчик почувствовал себя лучше и вскоре совершенно поправился.

Чудесным образом исцеленный, Прохор еще с большим рвением взялся за чтение духовных книг, с увлечением посещал церковные службы, охотно предавался размышлениям о Боге. Также любил он собирать сверстников, вместе читать духовные книги и говорить о Боге. И дети любили интересного мальчика и охотно слушали его, потому что Прохор, хоть и был весьма начитан и набожен, нисколько не кичился этим, не подавлял книжными цитатами и назидательными высказываниями, а объяснял сложные вещи просто и доступно и сам всегда был веселым и радостным. Все больше общался он к миру христианских откровений, все сильнее манил его свет вечных истин и духовных прозрений и все менее значимыми представлялись ему мирские радости и печали.

У Прохора были старшие брат и сестра. Брат Алексей имел в Курске лавку и постепенно по мере взросления младшего брата стал привлекать его к торговле. Уже не мог Прохор, как раньше, ежедневно посещать литургию и вечерню, потому что весь день должен был проводить в лавке, помогая брату. Но он не роптал: вставал на рассвете и ходил на заутреннюю службу в церковь, а в праздничные и воскресные дни успевал к тому же заниматься духовным чтением. Молитвы и чтение обостряли духовное восприятие юноши, позволяя видеть великое в малом, вечное в преходящем: когда его глаз видел конкретную, мирскую вещь — ум находил в ней абстрактную, духовную истину. Даже в купле и продаже и в приобретении товаров прозревал он образы жизни человеческой, по-

средством которых Господь устраивает дело спасения человечества. До самой смерти любил Прохор вспоминать эти образы и в беседах рассказывать все то, что открылось ему через них во время службы приказчиком у своего брата.

В расцвете юности, когда Прохор духовно окреп и видел высшую истину в христианских идеалах, а высший смысл земного бытия — в служении Господу, он встретился с тем юродивым, который предсказал Агафье жизненное предназначение сына. Они стали часто общаться, подружились, их объединяла любовь к Богу, непритязательность в мирской жизни и стремление к духовному совершенствованию, которое оба видели в неукоснительном соблюдении Божиих заповедей и непрестанном постижении господних откровений. Божий человек помог юноше определить его самое сокровенное желание — посвятить свою жизнь служению Богу — и форму осуществления этого желания — подвиг иночества. Прохор поделился планами с близкими и товарищами — и это ни для кого не стало откровением. С детства шел он по пути духовного очищения, и поэтому решение полного отказа от светского образа жизни выглядело вполне естественным. Прохор попросил мать благословить его на путь иночества — мать благословила его медным крестом с распятием, который юноша повесил на грудь и носил до самой смерти.

Много лет слушал Прохор рассказы о Саровской пустыни, о ее обитателях, подчинивших жизнь строгим правилам и уставам, спасающих души молитвами, постами, чтением духовной литературы и трудами на благо общины. Юношу влекло это место совершения духовных подвигов, тем более что много земляков Прохора жило в этой обители. Чтобы проверить свое устремление к иночеству и получить наставление и благословение какого-нибудь старца, опытного в духовной жизни, юноша вместе с четырьмя друзьями отправился к колыбели русского иночества — в Печерскую Лавру.

В Киеве Прохор помолился мощам первых русских иноков — Антония и Феодосия — и отправился за сове-

том в Китаевскую пустынь, где, в десяти верстах от лавры, спасался старец Досифей. Тот сразу увидел в юноше избранника Божия, одобрил его намерение принять иночество и указал на Саровскую пустынь как на место его подвигов. «Гряди, чадо Божие, и пребуди тамо, — сказал он Прохору, — место сие будет тебе во спасение; с помощью Божией скончаешь там свое земное странствование; только старайся стяжать непрестанную память о Боге в постоянном призывании имени Божия, и вселится в тебя Дух Святой и управит жизнь твою во святыни».

Напутствованный старцем, радостный юноша вернулся домой и немного пожил с матерью. Он отказался от своей части наследства и поэтому больше не занимался торговлей, но иногда приходил в лавку брата и рассказывал посетителям о святых местах, читал вслух духовные книги. В девятнадцатилетнем возрасте Прохор повесил на плечи котомку, взял в руки посох и, с благословения матери, вместе с двумя друзьями, ходившими с ним в Киев, отправился в Саровскую пустынь.

Вечером 20 ноября 1778 года накануне праздника Введения в храм Пресвятой Богородицы Прохор Мошнин вошел в Саровскую обитель. Его тепло принял руководитель обители старец Пахомий, который был родом из Курска и хорошо помнил родителей Прохора. Новому послушнику назначили духовного наставника — иеромонаха Иосифа. Юноша усердно выполнял как обязанности послушания, так и все общемонастырские ритуалы, работал поочередно в хлебопекарне, просфирне, столярне, был будильщиком, пономарем. В столярне он несколько лет вырезал кипарисные кресты и делал дубовые кресты для могил, причем так старательно и умело, что получил прозвище — Прохор-столяр. Он был очень силен и вынослив и охотно участвовал в общих работах: рубил лес и вместе с братьями сплавлял его по реке. Все работы Прохор выполнял с радостью, с постоянной молитвой «Господе Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя грешного», но старался избегать бесед с товарищами по обители, чтобы сосредоточиться на своем внутреннем мире и общении с Богом.

Видя склонность юного послушника к безмолвному уединению, первоначальники обители Пахомий и Иосиф благословили его на пустынную жизнь в свободное от послушания время. В глухом Саровском лесу Прохор построил себе шалаш и в нем, как в пустыне, предавался молитве и богомыслию. Как ни тяжело было испытание печалью и скукой одинокого времяпрепровождения, послушник не давал победить себя унынию и малодушию. Еще большую твердость духа проявил Прохор, когда заболел тяжелой болезнью — водянкой. Тело его настолько распухло, что он совершенно не мог двигаться, болезнь угрожающе прогрессировала, однако на все предложения врачебной помощи неукротимый послушник отвечал неизменным отказом: «Я предал себя истинному Врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери; если же любовь ваша рассудит, снабдите меня, убогого, Господа ради, Небесным Врачеством». Старцы отказались от мысли о земных врачах, отслужили литургию о здоровье послушника, исповедали его и причастили Святых Тайн. И тут больной увидел чудесное видение: на помощь своему верному рабу вновь пришла Царица Небесная. В несказанном свете явилась она с апостолами Петром и Иоанном Богословом и, обернувшись к апостолу Иоанну, милостиво проговорила, указывая на Серафима: «И сей, лежащий, из Нашего рода». Дальнейшее преподобный Серафим вспоминал так: «Потом приблизилась ко мне, возложила на голову мою пречистую Свою руку, сказала: «Я пришла исцелить тебя». Потом изволила коснуться рукою до моего бока, где по прикосновении немедленно открылась рана, чрез которую и истекла вся вода и материя, наполнявшие мое тело, почему я с той же минуты и почувствовал в себе легкость совершенно здорового человека».

Когда в монастыре приступили к строительству больницы с церковью при ней, Прохор взял на себя новое послушание — сбор пожертвований на построение храма — и отправился странствовать по России. Он обошел множество поселений, побывал и на родине — в Курске, посетил могилу матери и повидался с братом Алексеем, который

внес пожертвование на церковь. И тогда уже, при свидании с братом, двадцатидвухлетний подвижник проявил дар прозорливости, открыв брату время его кончины. Возвратившись в свою обитель, Прохор своими руками изготовил для больничного храма престол из кипарисового дерева. Этот храм он больше всех любил посещать до конца своих дней, памятуя явление на этом месте Царицы Небесной и свое чудесное исцеление.

13 августа 1786 года Прохор закончил курс послушания и принял иноческий постриг, получив монашеское имя Серафим (по-еврейски — пламенный), а в октябре был посвящен в сан иеродиакона, в котором прослужил 6 лет и 10 месяцев. У него были светлый ум, острая память, милостивое сердце, твердая воля, живой и обильный дар слова, горячая вдохновенная речь — благодаря этим достоинствам Серафим пользовался огромной любовью и уважением обитателей монастыря. Несмотря на то что Серафим очень мало спал, посвящая все время службе и молитвам, он был всегда веселым и радостным. «Веселость, — говорил он, — отгоняет усталость, а от усталости ведь уныние бывает, и хуже его нет. Оно все приводит с собой». Поэтому даже в церкви на клиросе Серафим был весел, а когда видел, что братия устала и подвержена унынию, так что и пение не ладится, то подбадривал всех ласковым словом. «Ведь дурное что говорить ли, делать ли нехорошо, и в храме Божиим не подобает, а сказать слово ласковое, приветливое да веселое, чтобы у всех перед Лицом Господа дух всегда весел, а не уныл был — во все не грешно», — говорил он. Его искренняя неугасимая радость и духовное веселье передавались окружающим, укрепляя их волю и помогая избежать усталости.

Часто во время богослужения видел Серафим ангелов, поющих вместе с братией, и сердце его переполнялось неизреченной радостью. Однажды было у него видение самого Господа, о чем он впоследствии вспоминал так: «Случилось мне служить с отцом Пахомием в Святой и Великий Четверток... Вдруг озарил меня луч как бы солнечного света. Взглянув на сияние, я увидел Господа Бога нашего Иисуса Христа во образе Сына Человечес-

кого в славе, сияющего неизреченным светом и окруженного как бы роем пчелиным, небесными силами: ангелами, архангелами, херувимами и серафимами. От западных церковных врат Он шел по воздуху, остановился против амвона и, воздвигши Свои руки, благословил служащих и молящихся. Затем он, вступив в местный образ Свой, что близ царских врат, преобразился, окруженный ангельскими ликами, сиявшими неизреченным светом во всей церкви. Я же... удостоился особенного от него благословения. Сердце мое возрадовалось тогда чисто, просвещенно, в сладости любви ко Господу». Серафим стоял, как парализованный, в алтаре около двух часов, лицо его менялось поминутно: то покрывалось белизной, то переливалось румянцем. И долго еще он не мог ничего говорить, созерцая в душе дивное видение Господа.

В 1793 году Серафима возвели в сан иеромонаха. Через год умер его духовный наставник, строитель Саровской пустыни отец Пахомий, поручив перед смертью Серафиму заботу о Дивеевской общине — женской обители в 12 верстах от Саровского монастыря. Через две недели после кончины отца Пахомия преподобный Серафим попросил у нового строителя благословения на пустынножительство. Наступил канун праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. В этот день, шестнадцать лет тому назад, Прохор Мошнин вошел в обитель, а теперь Царица Небесная повела своего избранника на другой, более жертвенный, подвиг уединенного служения Господу.

Преподобный Серафим поселился в пустынной келье («дальней пустыньке», как любил называть праведник свое жилище) — небольшой деревянной избушке верстах в 5—6 от монастыря. Избушка находилась на берегу реки Саровки в глухом сосновом лесу на высоком холме. Все это место пустыжник называл Афонской горой, другим окрестным местам он также дал имена святых мест Палестины, чтобы они живо напоминали ему события земной жизни Спасителя. Были здесь и свой Вифлеем, и Назарет, и Голгофа, и на каждом месте, ощущая присутствие Господа, он предавался размышлениям и молитвам, соответ-

ствующим по содержанию и настроению данному историческому месту.

Иноческие правила отец Серафим соблюдал по образцу строгих пустынножителей, читая молитвы и исполняя псалмы в течение суток с небольшими перерывами. Увлеченно читал пустыжник и Святое Писание, особенно Евангелие, которое всегда носил при себе, чтение которого считал чрезвычайно важным в духовном совершенствовании и называл «снабдением души». «Очень полезно, — говорил преподобный, — заниматься изучением слова Божия в уединении, прочитав всю Библию разумно», надо «так обучить себя, чтобы ум как бы плавал в Законе Господнем, по руководству которого должно устроить и жизнь свою».

Часть своего времени преподобный Серафим посвящал физическому труду. На небольшом огорожке он выращивал картофель, свеклу и лук, завел пчельник, рубил в лесу дрова. Питался отшельник скудно, преимущественно растительной пищей, только чтобы поддержать телесные силы, необходимые для выполнения ритуала пустынножительства. Впоследствии отец Серафим со свойственным ему милым, каким-то детским лукавством вспоминал о своем рационе, состоящем из лесного травянистого растения сныти обыкновенной, молодые побеги которой съедобны: «Я сам себе готовил кушанье из снитки... Я рвал ее, да в горшок клал, немного вольешь, бывало, в него водицы — славное выходит кушанье. На зиму я снитку сушил и этим одним питался, а братия удивлялась, чем я питался. А я снитку ел... И о сем братии не открывал».

Накануне воскресений и праздников преподобный Серафим приходил в обитель, участвовал в вечерней и ночной службе, за утренней литургией причащался, как обычно, Святых Тайн в больничной церкви и, взяв с собой хлеба на неделю, удалялся в свою пустыньку. Принесенный в келью хлеб праведник не ел, а делился им с разными обитателями Саровского леса. Один из братьев отца Серафима по вере рассказывал: «В полунощное время к кельи его собирались медведи, волки, зайцы и лисицы

и вообще разные звери; подползали даже змеи, ящерицы и другие гады. Подвижник выходил из кельи и начинал кормить их». Многие гости пустынножителя видели, как он кормил из своих рук огромного медведя, и вначале сильно пугались, но, глядя на миролюбивое поведение огромного зверя и просветленное, как у ангела, лицо отца Серафима, преисполнялись восхищения перед его умением жить в полной гармонии с природой.

В келью подвижника приходили иногда иноки из обители и просили его благословения на пустынножительство. Преподобный Серафим ласково принимал их и благословлял на подвиг, но ни один из претендентов не смог вынести трудностей пустынножительства, и все возвращались назад в монастырь. Сам праведник советовал селиться не в одиночку, а по нескольку собратьев по вере, потому что трудности этого испытания вкупе с постоянными происками, искушениями дьявола превращали жизнь пустытника в ад, сравнимый с положением распятого на кресте. «Живущие в монастыре, — говорил преподобный, — борются с противными силами, как с голубями, а живущие в пустыни, как с львами и леопардами».

И действительно, враг нападал на него с такой силой, что порой слышался ему за стенами кельи то звериный вой, рев, хохот, то какой-то непонятный шум. Как-то раз даже были выломаны косяки двери и к ногам молящегося подвижника упало огромное дерево, которое потом не смогли вынести даже восемь человек.

Особенно ополчился враг на преподобного Серафима после того, как он отказался от почетного места игумена одного монастыря. Дьявол ниспослал на отшельника одно из тягчайших испытаний — душевную смуту. В эти моменты душевного уныния преподобный Серафим без конца призывал на помощь Господа. И Бог услышал его — неустанные молитвы и тяжелый физический труд изгнали из его души смутные мысли. Однако, кроме тяжелых душевных страданий, дьявол наслал на преподобного и страдания физические. В лесу, в то время как старец занимался рубкой дров, на него напали разбойники

и стали требовать денег. После того как старец ответил, что таковых у него нет, разбойники до смерти его избили. Через несколько дней преподобный Серафим очнулся и, едва волоча ноги, побрел в монастырь. Напуганные его состоянием, братья по вере решили послать за врачом. Пока врача ожидали, преподобный Серафим задремал и тут явилось ему дивное видение — Царица Небесная в царской порфире, которая, подойдя к одру больного, произнесла: «Этот Нашего рода». После увиденного преподобный Серафим отказался от помощи врачей, предоставив себя на волю Господа и Пресвятой Богородицы. Вскоре он почувствовал себя лучше, но еще некоторое время оставался в монастыре, считая себя не готовым продолжать отшельническую жизнь. А после полного выздоровления старец вернулся в свою пустынь. За разбойников, причинивших ему много физических страданий, преподобный Серафим заступился, просил не наказывать их. Достаточно и того, что, узнав, какого святого человека подвергли они избиению, эти люди наказали себя сами.

Новая ступень духовного подвижничества преподобного Серафима — столпничество. Вечером он приходил к большому камню, лежавшему на полпути от обители к его лесной келье, становился на него и всю ночь стоял с воздетыми к небу руками, непрерывно читая молитвы. Утром он приходил в свою келью и становился на другой камень, отрываясь от молитвы только для редкого принятия пищи. Это моление продолжалось 1000 ночей и 1000 дней, во время которых шла невидимая для мира борьба подвижника с князем Тьмы. На вопрос одного инока, помогал ли отшельнику Бог, тот ответил: «Да, иначе сил человеческих не хватило бы».

После того как в 1807 году умер почитаемый Серафимом старец Исая, последний его духовный наставник, преподобный Серафим принял на себя новый подвиг — молчальничество. В таком состоянии старец пребывал 3 года. Во время молчальничества преподобный Серафим не выходил уже к посетителям. Когда же случайно встречал кого-то в лесу, то падал ниц и не вставал до тех пор, пока встреченный не проходил мимо. Этот подвиг состоял

не только во внешнем молчании, но в безмолвии ума, в отречении от всех житейских мыслей и полной сосредоточенности ума в Боге. Впоследствии он говорил об этом своем подвиге: «Молчание приближает человека к Богу и делает его как бы земным ангелом. Ты только сиди в келье своей во внимании и молчании и всеми мерами старайся приблизить себя к Господу, а Господь готов сделать тебя из человека ангелом... Ничто так не содействует стяжанию внутреннего мира, как молчание».

За молчальничеством последовало высшее подвижничество — затвор. И если во время молчальничества преподобный Серафим почти безвылазно находился в своей пустынке, то теперь ему предложено было перебраться в монастырь, ввиду того, что ходить по воскресеньям и праздничным дням в обитель для причащения Святых Тайн ему было трудно из-за болезни ног. Преподобный Серафим принял это предложение и, после 15-летнего пребывания в дальней пустынке, в мае 1810 года, на 51-м году жизни вернулся в обитель.

Вновь увидела Саровская обитель своего великого молитвенника, столпника, пустытника и молчальника. Но ненадолго. Сразу по прибытии, не заходя в свою келью, отправился преподобный Серафим на всеощную в храм Успения Божией Матери, на другой день причастился Святых Тайн в больничной церкви и принял у настоятеля монастыря благословение на новый подвиг затворничества. Потом прошел в свою прежнюю келью и затворился в ней.

В глубокой тайне и безмолвии совершал преподобный свой многотрудный подвиг, ни одна живая душа не переступала порога его убогого жилища размером в 5 квадратных аршин. Когда сосед по келье, на которого возложено было послушание доставлять ему пищу, приносил ее и ставил у двери, отец Серафим накрывал себя большим полотном, чтобы никто не мог его видеть, отворял дверь и на коленях принимал пищу от брата, не произнося ни одного слова. «Совершенное безмолвие есть крест, — наставлял впоследствии отец Серафим, — на котором человек должен распять себя со всеми страстями и похотями... При-

шедший в безмолвие должен непременно помнить, зачем пришел, чтобы не уклонилось сердце его к чему-либо другому». Отшельник, как и в дальней пустыньке, совершал все ежедневные службы, кроме литургии, в остальное время предавался молитвам и чтению Священного писания «для того, чтобы дать духу своему возноситься в небесные обители и питаться от сладчайшей беседы с Господом». И Господь не только приближал к себе праведника в его стремлении к духовному общению, но и в ответ на мольбу его о созерцании небесной обители удостоил отца Серафима чудесным видением. Тот был настолько восхищен неземной красотой увиденного, что спустя годы так описывал свое впечатление послушнику Ивану Тихоновичу: «Если бы ты знал, какая сладость ожидает душу праведного на небеси, то ты решился бы во временной жизни переносить скорби, гонения и клевету с благодарением. Если бы самая эта келия наша была полна червей и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы не лишиться той небесной радости, какую уготовал Бог любящим Его». И на лице старца во время произнесения этих слов была такая радость и восторг небесный, что его хотелось назвать земным ангелом и небесным человеком, вспоминал собеседник отца Серафима.

По истечении пяти лет строгого затвора праведник, по видимому, повинувшись неведомому окружающим указанию свыше, ослабил затвор, открыв дверь в келью для всех желающих видеть его. Однако обета молчания не нарушил — видно, не кончился еще срок, установленный Господом для безмолвия. И так продолжалось еще пять лет, в течение которых преподобный лишь одним примером своей непрестанной духовной работы и безмолвной жизни в окружении посетителей проповедовал христианские идеалы убедительнее проповедей. Потом явилась к нему Царица Небесная и разрешила открыть уста для поучения и утешения приходящих к нему богомольцев. С тех пор окончился молчальнический подвиг отца Серафима, но обет затворничества исполнялся им по-прежнему неукоснительно.

Слава великого подвижника разнеслась далеко за пределы Саровской обители — и после прекращения им безмолвного служения Господу со всех концов России потянулись к нему верующие за утешением и благословением. С ранней литургии и до вечера стекались к нему жаждущие духовной пищи, и не знало сердце преподобного различия между ними. Всех он принимал с одинаковой любовью, всех встречал земным поклоном и целованием, всех приветствовал словами «Христос Воскресе» и каждого называл «радость моя». Скромная монашеская келья не могла вместить всех желающих духовного общения с праведником, и начал он просить у Господа позволения на полное окончание затвора, чтобы самому выходить к людям и служить им. Наконец молитва его была услышана: 25 ноября 1825 года вновь явилась к нему Царица Небесная и повелела своему избраннику оставить затвор и идти в пустыньку. В тот же день, после пятнадцатилетнего пребывания в затворе, отец Серафим отправился к настоятелю обители и, получив от него благословение, в первый раз за время затворничества вышел в лес и направился к своей дальней пустыньке.

Не дойдя до нее, на полпути между обителью и своей избушкой, увидел преподобный шедшую к нему с пригорка Владычицу с апостолами Петром и Иоанном Богословом. Пречистая ударила жезлом в землю, из которой пробился «источник фонтаном светлой воды», и, благословив произведенный ею источник, дала ему силу исцеления от болезней. Преподобный Серафим остался на этом месте, где стояли стопы Царицы Небесной, и без промедления занялся устройством чудесного источника, который должен был впоследствии исцелять людей. Все дни проводил святой старец за этим занятием, и, видя его старания, братья по монастырю пришли на помощь. Более того, они построили в этом месте преподобному Серафиму небольшую келью, в которой тот мог бы укрыться от дождя и снега, и все вместе это стало называться «ближней пустынькой». Так и жил здесь преподобный Серафим в постоянной молитве, занимаясь то святым ис-

точником, то огородом, то наведывался в дальнюю пустыньку. Но вскоре из Тамбова от епархиального архиерея пришло распоряжение, чтобы Серафиму больше не приносились Святые Дары, а чтобы он сам, каждый воскресный и праздничный день, являлся в монастырь для принятия Святых Тайн. Причиной такого распоряжения были доносы некоторых монахов, которые завидовали якобы свободной жизни отшельника.

Преподобный Серафим смиренно принял это распоряжение, после чего стал все праздничные дни приходить в больничную церковь для причащения. По рассказам современников, когда преподобный выходил из церкви после причащения, его встречали, стоя по обе стороны дороги, толпы людей, пришедшие просить святого старца помолиться за них. И он принимал их всех в своей маленькой келье в монастыре. Вообще, молитву за людей преподобный избрал теперь особым подвигом своей жизни, он вступал на новую ступень подвижничества — служение ближним.

Преподобный Серафим постоянно молился за людей. И сила этой молитвы была настолько велика, что в его келье сама собой зажигалась лампада, и не раз видели его во время молитвы стоящим в воздухе. «Идем это мы лугом, — передавала одна дивеевская сестра, трава зеленая да высокая такая... оглянулись, глядим, а батюшка-то и идет на аршин выше земли, даже не касаясь травы. Перепугались мы, заплакали и упали ему в ножки, а он говорит нам: «Радости мои, никому о сем не поведайте, пока я жив, а после моего отшествия от вас, пожалуй, и скажите!» Лицо преподобного теперь всегда было светлым и радостным.

Кто только не приходил за советом к преподобному Серафиму: и простые люди, и настоятели монастырей, и умудренные опытом духовной жизни монахи. «Трудно управлять душами человеческими, — говорил им преподобный, — учить других так же легко, как с нашего собора бросать на землю камешки, а проходить делом то, чему учишь, все равно, как бы самому носить камешки на верх собора». Преподобный ратовал за то, чтобы отличитель-

ной чертой любого настоятеля была любовь к подчиненным: «Матерью будь, а не отцом, к братии».

Так случилось, что, умирая, первая игуменья Дивеевской обители Александра (в миру Агафья Семеновна Мельгунова) просила преподобного Серафима не оставлять обитель своей заботой. К этому призвала святого старца и Сама Божья Матерь, явившись ему перед выходом его из затвора: «Зачем ты хочешь оставить заповедь рабы Моей Агафьи?» По ее велению преподобный Серафим разделил обитель на два отделения, второе — для одних только девушек. «Как я сам девственник, — говорил преподобный, — то Царица Небесная благословила, чтобы в обители моей были только одне девушки». «Дева, хранящая свое девство ради любви Христовой, имеет честь с ангелами — и есть невеста Христу». В новую обитель было взято восемь сестер-девственниц из обители монахини Александры. Для их прокормления построили мельницу, а вокруг нее — кельи для сестер. Преподобный Серафим дал девушкам новый устав, в основе которого лежало послушание.

Послушание праведник считал основой иноческого подвига, а служение церкви — высшей степенью послушания. Постоянно, денно и ночно, сестры попеременно читали Псалтырь, сами исполняли церковные должности дьячка, пономаря, ризничей и церковницы. «Нет паче послушания, как послушание церкви, — убеждал отец Серафим. — Если только тряпочкой протереть пол в доме Господнем, — превыше всякого другого дела поставится у Бога! И все, что ни творите в ней и как входите и исходите, — все должно творить со страхом и трепетом и никогда не престающей молитвою».

Всех пришедших к нему, богатых и бедных, праведников и грешников, мужчин и женщин, принимал преподобный Серафим с любовью и смирением, всем кланялся до земли и, благословляя, сам целовал у многих непосвященных людей руки. Никого не поражал он жестокими укоризнами и строгими выговорами, а если вынужден был обличать чужие грехи, то делал это настолько мягко и кротко, так тонко и ненавязчиво призывал к работе со-

весть собеседника, указывая путь спасения, что слушавший часто сперва и не понимал, что дело идет о его душе. Никто не выходил от него без ненавязчивого наставления, в конце концов его благодатные советы всегда доходили до сердца собеседника, все ощущали силу его любви, и многие окаменевшие сердцем люди покидали праведника со слезами раскаяния, умиления и просветления.

Однако не все в обители понимали высоту подвига старчества, взятого на себя под конец жизни отцом Серафимом. Многие монахи находили его жизнь «странной и соблазнительной», упрекая его в том, что он принимает всех без разбору и ведет частые беседы с дивеевскими сестрами. Когда один из братьев сказал ему с упреком: «Тобой некоторые соблазняются», праведник отвечал ему с достоинством: «Я не соблазняюсь тем, что мною одни пользуются, а другие соблазняются». И все же очень переживал отец Серафим незаслуженные обвинения, вносящие смуту в души верующих и отвлекающие их от общения с Богом, и смиренно просил игумена Нифонта: «Ты пастырь, не позволяй же всем напрасно говорить, беспокоить себя и путников, идущих к вечности».

Он всегда сверял свои мысли и дела со Священным писанием и жизнью святых отцов, и только получив подтверждение своей правоты, поступал, как предписывают заповеди Божии, в дальнейшем уже никогда не отступал от принятого решения. Один брат упрекнул отца Серафима: «Тебя много беспокоят обоих полов люди, и ты всех без всякого различия пускаешь к себе». На это старец ответил примером Илариона Великого, который не велел затворять дверей ради странников. «Положим, — сказал он, — что я затворю двери келии моей; но тогда приходящие к ней люди, жаждущие слова утешения, будут меня заклинать Богом и, не получа от меня ничего, будут с печалию возвращаться; какой же я тогда могу дать ответ на Страшном Суде Божиим?» Другой спросил: «Что ты всех учишь?» И на это праведник ответил христианскими заповедями: «Я следую слову Божию, которое учит: Добро еже благословити Бога и возносити имя Его, словеса дел Божиих благочестно

сказующе, и учению церкви, которая поет: не скрывай словеса Божия, возвещай чудеса Его».

Единственный раз в жизни был отец Серафим в Дивеево еще в сане иеродиакона вместе с отцом Пахомием, но дав обещание первой игуменье (и следуя завету Божией Матери) позаботиться о сестрах Дивеевской общины, свято соблюдал его до конца своей жизни. «Как нам оставить тех, о коих просила меня, убогого Серафима, матушка Агафья Семеновна!» — восклицал старец. Несмотря на все наветы, неустанно хлопотал праведник о благоустройстве обители и духовном развитии сестер. «Исповедую и Богом свидетельствую, что ни одного камешка я по своей воле у них не поставил, ниже слова единого от себя не сказал им и ни единую из них не принимал я по желанию своему, против воли Царицы Небесной». По словам преподобного, сама Царица Небесная обошла обитель своими стопами, поэтому по тем местам, где она прошла, старец велел прокопать канавку, которая впоследствии, при приходе антихриста, послужит крепостью и не даст дьяволу добраться до обители. Сестры сначала пренебрегли словами преподобного и некоторое время не начинали копать. Но однажды одна из них, выйдя ночью за чем-то из кельи, увидела самого старца, копающего канавку. Она тут же прибежала в обитель рассказать об увиденном другим монахиням. Когда те выбежали посмотреть — преподобный по-прежнему копал канавку. «Все мы, кто в чем только был, бросились на то место и, увидав батюшку, упали ему в ноги, но, поднявшись, не нашли его, лишь лопата и мотыжка лежали на ископанной земле».

Много людей приходило в обитель к старцу, и для всех у него находилось ласковое слово, никого не обходил он своей молитвой. Сам великий подвижник и ревнитель иночества, он никому не стремился навязать свой образ жизни, но с лаской, приветливостью и снисходительностью относился к каждому, в ком видел искреннее стремление к добру. «Для тебя и в мире немало добрых дел найдется, если захочешь творить их от доброй души своей, — говорил он одной желавшей поступить в монастырь. — В мире

угоднее творить Божии дела, потому что на миру их труднее совершить... И такие дела людей зачтутся им по милости Божией старицею». Старец всем советовал молитвенное правило: утром трижды прочитать молитвы Господу, Богородице, Пресвятой Троице и один раз — Символ веры, то же повторить вечером. Тем же, кто по разным обстоятельствам не мог выполнять и этого необременительного правила, преподобный советовал читать молитвы и во время занятий, и при ходьбе, и даже в постели, ссылаясь на слова из Святого Писания: «Всякий, кто призывает имя Господне, спасется».

Ранним утром 25 марта 1831 года, в праздник Благовещения, преподобный Серафим удостоился двенадцатого и последнего посещения Богоматери. Присутствовала при этом и свидетельница — дивеевская старица Евпраксия (Евдокия Ефремовна), которую преподобный пригласил накануне этого дня для моления. «Ах, радость моя, я тебя давно ожидал, — с радостью встретил ее старец. — Какая нам с тобой милость и благодать от Божией Матери готовится в настоящий праздник! Велик этот день будет для нас! Давай молиться!» После этих слов преподобный Серафим, сняв с себя мантию, надел ее на старицу Евпраксию и стал читать акафисты и каноны. Прочитав их, снова обратился к сестре: «Не убойся, не устрашись, благодать Божия к нам является! Держись за меня крепко!»

После этих слов старца, вспоминает сестра Евпраксия, послышался шум ветра, затем пение, сама отворилась дверь в келью и стало необычно светло. Тут же в келью вступили бесплотные силы в виде двух ангелов с золотыми волосами, в руках у них были ветви цветов. За ангелами, в белых блестящих одеждах шли святой Иоанн Предтеча и святой апостол Иоанн Богослов. Дальше, в сонме двенадцати дев, — Сама Царица Небесная.

Необычайно красива была одежда на Богоматери. Верхняя риза — сплошь украшена крестиками, нижняя — зеленого цвета — перепоясана. Поверх риз — епитрахиль, на руках — поручи, и все — в крестиках. Длинные волосы украшал царский венец.

Девы, окружавшие Царицу Небесную, были ниже ее ростом, но все очень красивы. Они образовали круг, в центре которого — Богоматерь. «Я испугалась и упала, — рассказывала старица Евпраксия. — Царица Небесная подошла ко мне и, коснувшись правой рукой, сказала: «Встань, девица, и не убойся нас. Такие же девы, как ты, пришли сюда со Мною». После этого Царица Небесная велела Евпраксии подойти к каждой деве, спросить ее имя и узнать о жизни, проведенной на земле. Евпраксия спрашивала, а девы рассказывали ей свою жизнь и подвиги мученичества за Христа. Сама Владычица в это время беседовала с преподобным, и Евпраксия услышала, что она просила старца не оставить своей заботой дивеевских сирот. «Владычица! Я собираю их, но сам не могу их упредить», — говорил преподобный. — «Я тебе, любимче Мой, во всем помогу!» — сказала Богоматерь. — «Возложи на них послушание; если исправят, то будут с тобою и близ Меня, а если потеряют мудрость, то лишатся участи сих ближних дев Моих. Кто обидит их, тот поражен будет от Меня; кто послужит им ради Господа, тот помилован будет пред Богом». А еще Богоматерь сказала преподобному Серафиму: «Скоро, любимче Мой, будешь с нами!». А старице Евпраксии: «Это видение тебе дано ради молитвы отца Серафима». После этого видение исчезло.

Слова Владычицы «Скоро, любимче мой, будешь с нами» преподобный Серафим воспринял как указание о его близкой кончине. Силы его заметно слабели, он уже не мог каждый день ходить в свою пустыньку, реже стал выходить из своей кельи. «Я слабею силами, — говорил он дивеевским сестрам, — живите теперь одни, оставляю вас и поручаю Царице Небесной». Часто и подолгу сидел он в сенях своей кельи у гроба, погруженный в размышления, иногда — горько плачущий; в беседах с друзьями старец готовил их к мысли о скорой разлуке в брэнном мире. «Мы не увидимся больше с вами, — говорил он. — Жизнь моя сокращается, духом я как бы сейчас родился, а телом — уже мертв».

1 января 1833 года отец Серафим пришел в последний раз к обедне в любимую им больничную церковь святых

Зосимы и Савватия, сам поставил свечи ко всем иконам, приложился к ним и приобщился Святых Тайн. После обедни он простился со всеми бывшими в храме братьями, благословил и поцеловал всех, говоря: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте, нынешний день венцы готовятся». Старец всем показался очень слабым, но спокойным, веселым и просветленным. Сосед его по келье отец Павел рассказывал, что в течение этого дня преподобный Серафим трижды выходил на предназначенное ему для погребения место и подолгу стоял там, глядя на землю, а вечером пел в своей келье пасхальные и другие победные духовные песни.

Утром 2 января брат Павел, выйдя из своей кельи к утренней литургии, почувствовал в сенях запах дыма и постучался в дверь отца Серафима, но дверь изнутри была заперта, а ответа на стук не последовало. Он выбежал на крыльцо и позвал на помощь идущих на службу монахов, которые сорвали дверь с крючка и вошли в келью старца. Огня не было, но было сильно задымлено, вероятно, от упавшего свечного нагара загорелись лежащие на скамейке у порога холст и книги. Монахи забросали тлеющие предметы снегом, один из них побежал в церковь к службе и сообщил о случившемся. Прибежавший в келью батюшки ученик его Иоанн увидел его стоящим на коленях перед любимой иконой Божией Матери «Умиление» с закрытыми глазами и сложенными крестообразно руками. Предположив, что старец находится в таком молитвенном подвиге, что даже не заметил происходящего в келье, ученик долго не решался побеспокоить его. Наконец осмелился сказать ему: «Батюшка! Вы не почувствовали, что могли сгореть?» Не получив ответа, подошел к отцу Серафиму и с величайшей горечью увидел, сто тот скончался. Иоанн взял батюшку на руки и, обливая его тело слезами, вынес во двор.

Горестная весть быстро разнеслась по окрестностям Саровской пустыни, и народ скорбными толпами спешил в обитель поклониться останкам молитвенника земли русской. В течение 8 суток тело праведника лежало в соборе в сделанном им самим открытом гробу с образом пре-

подобного Сергия на груди согласно просьбе усопшего. При погребении не было сказано никаких речей, какое-то благоговейное умиление царило в душах собравшихся и искренняя вера в неразрывную духовную связь с ушедшим. Эта вера сделала могилу преподобного Серафима любимым местом духовного общения с ним согласно его призыву и обещанию: «Когда меня не станет, вы ко мне на гробик ходите! Как вам время, вы и идите, и чем чаще, тем лучше. Все, что есть у вас на душе, что бы ни случилось с вами, придите ко мне да все горе с собой и принесите на мой гробик! Припав к земле, как живому, все и расскажите, и услышу вас, и вся скорбь ваша отляжет и пройдет! Как вы с живым всегда говорили, так и тут! Для вас я живой есть и буду вовеки!»

ПРОРОЧЕСТВА

О голоде

С 1831 года Серафим многим предвозвещал о предстоящем голоде, и по его совету в Саровской обители сделали запас хлеба на шесть лет, и вследствие этого в обители не было голода.

О холере

В то время, когда по России неистовствовала холера, преподобный открыто предвещал, что ее не будет ни в Сарове, ни в Дивееве, — и предсказания эти исполнились во всей точности, так что от той холеры ни в Сарове, ни в Дивееве не умерло ни одного человека.

О неугасимой свече и неугасимой лампаде

В свое время преподобный Серафим завещал, чтобы в созданном им Христорожественском храме горела перед иконой Спасителя неугасимая свеча и перед иконой Божией Матери — неугасимая лампада. Он предрекал,

что если это его завещание будет в точности исполняться, Дивеевская община не будет терпеть нужды и бедствий и масло на эту потребность никогда не оскудеет.

Но однажды церковница, когда все вышли из храма, увидела, что масло все выгорело и лампада потухла, а между тем это было последнее масло. Тогда, вспомнив о завещании старца Серафима, она подумала, что вот слова его не исполнились и что, следовательно, и другим предсказаниям его доверять нельзя.

Вера в прозорливость благодатного старца начала составлять ее. Но вдруг она услышала треск и увидела, что лампада зажглась и полна масла и в ней плавают две мелкие ассигнации. В смятении духа поспешила она к старице, у которой была в послушании, поведать о дивном видении. На пути ее встретил крестьянин и вручил ей для передачи 300 рублей ассигнациями на масло для неугасимой лампы за упокой его родителей.

О судьбах двух девушек

Однажды к Серафиму пришли две молодые девушки. Одна из них мечтала стать монахиней, другая вовсе не стремилась к послушанию. Но святой старец сказал первой из них, что к монашеству ей дороги нет, свое счастье она обретет в браке, а второй, наоборот, сказал, что она будет служительницей монастыря. Более того, преподобный Серафим назвал даже монастырь, в котором девушка обретет свой дом. Несмотря на то что девушки остались недовольными предсказаниями старца, слова его сбылись в точности.

ОБ УСТРОЕНИИ ДИВЕЕВСКОЙ ЛАВРЫ

Благословение Пресвятой Богородицы

Как-то в разговоре с монашенкой Ксенией преподобный Серафим поведал женщине, что в недалеком будущем их монастырь приобретет и свою церковь, и землю,

и многое другое: «Послушай, радость моя!, я тебе открою тайну, только смотри, умолчи ее до времени. Сама Божия Матерь ведь избрала это место! А чего Царица-то Небесная ни возможет; все будет у Ней! Вот она приказала мне, убогому Серафиму, поставить мельницу для девушек в два постава, чтобы она вечно кормила их. Потом благословила Матерь-то Божия и церковь им свою выстроить, матушка! Во, радость моя, благодать-то у нас какая: и мельница, и церковь, и земля, и все, все свое у нас будет! Это я тебе только говорю, а ты умолчи до времени». Слушала преподобного монахиня Ксения, и хоть привыкла доверять святому старцу, а все же в голове вертелись сомнительные мысли — откуда может у бедной обители все вдруг появиться. Преподобный Серафим, уловив мысли Ксении, взял монахиню за руку, стал руку трясти и проговорил: «Ведь вот ты какая! Говоришь, что любишь меня, а усумнилась и не веришь убогому Серафиму! Поверь, поверь мне, матушка, все это совершится!» Подтверждение тому, что эти слова преподобного были пророческими, — в рассказе монахини Дорофее (Летопись 6, рассказ 38): «Так-то вот, все, все знал батюшка, все было ему открыто, и по вере к Нему собирались мы жить все равно, что на нет — ничего; было одно лишь голое поле, да и то чужое, а к смерти-то батюшкиной явились у нас и келии, и корпуса, и церковь, и канавка, и земля своя... Теперь вот 1887 год, и дожила я, как предрекал батюшка, и все совершилось, и чего-чего только нет-то у нас! И во сне тогда никому бы того не приснилось!»

Келья для Высокой Госпожи

Монахиня Дорофея (в то время — старица Домна Фоминична) рассказывала историю предсказания (и его исполнения) преподобного Серафима о перемещении иконы Умиления Божией Матери — настольной иконы старца. Пророчество было сделано в процессе строительства Дивеевского женского монастыря. «Я пришла по благословию батюшки Серафима в Дивеев на мельницу. Старшая Прасковья Степановна приняла меня; тут было уже

двенадцать сестер, я — тринадцатая. Ничего еще не имея, жили мы все в одной келейке; потом постепенно выстроил нам батюшка еще келию, под названием больничной; потом еще две келии, а сестры-то все поступали да прибывали, и приказал нам батюшка, кроме этих четырех, еще выстроить большую келию, сказав: «В ней Госпожа будет жить!» Мы все так и думали, что в нее приедет к нам жить какая-либо высокородная госпожа-барыня, но все нет да нет никого. Так наконец и скончался наш батюшка, а по кончине его перенесли к нам по завету батюшки и прямо в эту келию и поставили чудотворную икону его — Умиления Божией Матери, «Всех радостей Радость», как он ее всегда называл, пред которой на коленочках во время молитвы и отошел, словно будто и не умер. Стал этот корпус нам трапезою, и тут только поняли мы все, о какой Высокой Госпоже предрекал наш Батюшка! И все служили мы ей, потому что пред Нею всегда, не переставая, читались акафисты!». Иносказательное предсказание старца сбылось полностью, а смысл его открылся обитателям монастыря постепенно, только после исполнения пророчества.

Послушница дворянского происхождения Ольга Михайловна Климова по-своему интерпретирует историю появления образа Умиления Божией Матери в Дивеевской лавре. Она вспоминала, что в то время несла послушание «лошадницы» и возила на повозке лес и дрова. Однажды встретил ее отец Серафим и передал тысячу рублей для Дивеевского монастыря со словами: «Это, матушка, на устройство и обзаведение у вас большой келии, для Высокой Госпожи, которая будет жить у вас! Надо все приготовить для Нее; ты вот и смотри, матушка, чтобы у вас все было готово. А когда прибудет Она, то вы все и служите Ей, а Глафира Васильевна пусть за ней и ходит».

Сестра была очень удивлена перспективой приема в монастыре неизвестной высокой особы: «И мне было чудно, какая же это Госпожа Великая поселится в нем с нами! Скончался батюшка, и покойный игумен Нифонт

призвал к себе отца Павла, келейника батюшки, отдал ему икону чудотворную Царица Небесной Умиления, перед которой отец Серафим всегда молился, и приказал отдать ее мельничным. «Она туда им надлежит!» — сказал игумен. Тогда разъяснились слова батюшки о приготовленной келии для Госпожи Высокой, Владычицы нашей. Все служили ей, а Глафира Васильевна, как сказал батюшка, ходила за нею. На иконе не было ризы в то время, а так любила Глафира Васильевна Царицу Небесную, что, бывало, нечем украсить, то цветов полевых нарвет, сплетет с молитвой венки, да и украсит. Все ночи на молитве перед Ней стояла, читая по тысяче молитв к Богородице и более».

Воспоминание послушницы Ольги Михайловны детально раскрывает как само предсказание, так и реальную историю его исполнения. Это важно, поскольку многие, не зная, каким образом икона попала в Дивеевскую Лавру, предполагали, что она чудесным образом невидимо перенеслась туда сама собой.

Пророчества постройки монастырских церквей и зданий, в особенности Троицкого собора — 1848—1875 годы.

1. Во время построения Рождественского храма преподобный Серафим предрекал дальнейшую судьбу Дивеевского монастыря. Предсказание старца было настолько конкретным, детальным, как будто старец описывал увиденную наяву картину: «Еще не было и нет примеров, чтобы были женские лавры, а у меня, убогого Серафима, будет в Дивееве лавра, — сказал батюшка. — Лавра-то будет кругом, т. е. за канавкою, в обители матушки Александры, потому что, как она была вдова, то у ней могут жить в обители и вдовы, и жены, и девицы, а киновия будет только в канавке, и так как я, убогий Серафим, был девственник, то и в обители моей будут одни лишь девицы. Выстроится большой холодный собор и будет теплый. Эта Казанская церковь и место все будет монастырское, прихожанам дадут другое место, а так Казанская цер-

ковь, как есть, и Рождественская, как есть, останутся как бы в центре, а кругом нее еще много места захватят приделами другими, и из нее большой, теплый собор выйдет, и большая это будет пристройка наподобие Иерусалимского храма. С левой стороны Рождественской церкви будет непременно придел во имя Михаила-архангела. Каменная ограда как есть, так и останется, только Казанская церковь войдет в ограду и стена продолжится вплоть до берега, где, пройдя немного берегом, пойдет к западу и тут... выстроится колокольня и будут под ней святые ворота. Кругом обоих соборов будут каменные корпуса в следующем порядке».

Сохранился даже первоначальный план, который старец набросал в своей келье на обрубке, служившем для него стулом. При составлении плана присутствовал Михаил Васильевич Мантуров. Обращаясь к последнему, преподобный говорил: «С юга, против собора Святой Троицы, будет корпус треугольником; в этом корпусе одна из царского рода жить будет, батюшка. С севера собора Святой Троицы напротив его точно такой же треугольником корпус должен быть трапезой. Возле жилого треугольного корпуса с юга же корпус начальнический, правильным продолговатым четырехугольником должен быть корпус клиросный. С юга против Казанского собора, рядом с начальническим корпусом, такой же продольный четырехугольный корпус — просто жилой. С севера против Казанского собора и напротив жилого такой же точно продольный четырехугольный корпус тоже просто жилой. Опять с одной стороны корпус правильным треугольником, которого половина будет окнами в ограду; это будет жилая монастырская половина, а другая, отделенная стеной, окнами наружу, за ограду, будет служить гостиницей. С другой стороны напротив точно такой же треугольный корпус, разделенный надвое и для того же употребления. Вот так-то у нас все и устроится, батюшка, и лавра и киновия у убогого Серафима в обители-то и будет!»

2. Очень любил святой старец, по словам старицы Устиньи Ивановны (впоследствии монахини Иларины),

одну из сестер обители, Марию Семеновну, которой предсказал в свое время многое о будущем устройении обители. Большую часть своих слов Серафим запрещал кому-нибудь пересказывать, но некоторое, наоборот, завещал обязательно донести до Устиньи Ивановны (старец предвидел скорую кончину своей любимицы). Монахиня Илария вспоминает, что, гуляя как-то с Марией Семеновной возле Казанской церкви, последняя, показывая на все вокруг, сказала ей и другим сестрам: «Вот помните, церковь эта будет наша, и священники тут жить не будут; приходская же церковь выстроена будет в другом месте, там будут при ней жить и священники, тут же будет лавра; а где канавка, там будет киновия!» После этого Мария Семеновна добавила, что «батюшка Серафим сказал, что кладбищенская церковь у нас будет во имя Преображения Господня, запомни!». Старица Устинья Ивановна возразила своей собеседнице, сказав, что на кладбищах всегда строятся церкви Всех Святых. Мария Семеновна согласилась, но тут же добавила, что «...батюшка Серафим сказал, что престол Всех Святых будет еще ранее устроен».

Предсказанное преподобным Серафимом сбылось — в 1847 году была построена теплая церковь Божией Матери Тихвинской и в ней придел с левой стороны Всех святых, а кладбищенская церковь была построена уже потом, в 1855 году, во имя Преображения Господня.

3. В разговоре с Ксенией Васильевной Путковой старец Серафим (еще тогда, когда пустынь строилась ему в лесу) предсказал, что она в будущем отойдет к Дивеевскому монастырю. «Я тебя к себе возьму! Вот смотри-ка, радость моя, ведь эта вот пустынька нам с тобою строится; ведь она у вас будет, пустынька-то, и будем мы жить как Авраам и Мария!» На что, по словам Ксении Васильевны, она ответила, шутя: «А я возьму и уйду от Вас, как Мария-то от Авраамия». Но преподобный на ее слова только улыбнулся: «Нет, — отвечает, — радость моя, нет тебе дороги уйти-то; Авраам да Мария жили во притворе, а я тебя внутри себя возьму! Ты и не уйдешь, матушка!»

Ксения Васильевна говорит, что только тогда, когда им перевезли пустынь отца Серафима, она поняла, что слова преподобного были пророческими. Стал понятен и смысл сказанного — «уразумела я слова батюшки; ведь всегда я была с ним духом и не могла уже уйти из обители».

4. О том, что на месте обители в будущем будет большой собор, преподобный Серафим предсказал в разговоре со старицей Екатериной Матвеевной Пучинской. По словам Екатерины Матвеевны, старец постоянно уговаривал ее остаться в обители, но молодая девушка не готова была к этому и все время отказывалась. В конце концов согласилась. А через некоторое время стала она очень скучать по мирской жизни и однажды, когда в гости к ней пришли девушки из ее деревни, решила уйти вместе с ними. «Только что вышли мы из обители, на меня вдруг напала такая тоска, что и рассказать не умею. Не дойдя до села Елизарьева, бросила я их, да бегом пустилась в обитель. (...) Вскоре пришел батюшка, сурово взглянул на меня, даже отвернулся, и говорит Елене Васильевне про меня: «Радость моя! Что сделала у нас Екатерина-то Пучинская, забрала все пожитки свои да и ушла было от нас! А ведь скажу тебе, радость моя, никакой дороги ей нет уходить от нас, ведь ей назначено здесь жить!» На признание Екатерины Матвеевны в содеянном и на ее жалобу на скуку, старец отвечал: «Во, радость моя! Что нам скучать-то! Теперь у нас нет ничего, а будет-то у нас монастырь, матушка, да какой еще великий-то! Триста монахинь да пятьсот белиц!» Ну, не прозорлив ли батюшка-то; кто бы мог подумать тогда, а ведь вот и вправду дожидая до того, что уже восемьсот человек стало у нас сестер-то. Екатерина Матвеевна добавляет, что после этого случая преподобный Серафим еще много раз говорил ей о будущем соборе: «Радость моя! Что нам унывать! Ты гляди какой у нас собор-то будет! Вельми, матушка, чудный!»

5. Спросив однажды старицу Акулину Ивановну Малышеву, знает ли та, где живет Мантуров, и получив ут-

вердительный ответ, преподобный Серафим с уверенностью стал говорить: «...мы его снесем на угол, а тут, где он теперь-то живет, против него будет собор! Видишь ли, вот эдак будет порядок, на четыре угла, Акулинушка, а собор-то у нас в середочках! А где мирское кладбище, знаешь, что ли, матушка?» (...) «Так вот это-то самое место, матушка, будет у нас коренная трапеза; а это-то, что кривая у вас, гостей принимать будет! А мы, матушка, как собор-то состроим и балясы голубые у нас будут, так прямо из собора в трапезу-то и пойдем. Вот как будет у нас, Акулинушка!» По словам Акулины Ивановны, тогда в Дивееве ничего не было, поэтому рассказ старца Серафима ее очень удивил и больше всего непонятно было женщине, как это старец говорит о трапезе — будто видит ее, даже называет «кривой»? И что ж — спустя много лет, как и пророчил преподобный Серафим, в Дивееве построили собор и выстроили там иеромонах Иоасаф, выдававший себя за ученика Серафима, трапезу, которая, из-за спешки, получилась кривой.

О покровительстве Дивеевской обители

По словам ученика преподобного Серафима отца Иоанна, старец имел обычай все свои действия согласовывать со Священным писанием и с жизнью святых отцов, поэтому всегда был тверд в своих действиях. В одно из посещений отца Иоанна преподобный попросил помочь ему в разрешении вопроса (и обязательно из Священного писания) — должен ли он покровительствовать дивеевским сестрам или нет. Проблема состояла в том, что, по словам старца, «все святые жен-то велят бегать, а оне всегда при нас. Что, угодно ли это Богу?»

Отец Иоанн, сначала сбиваясь, потом по внушению Божию, которое его посетило, стал доказывать старцу, что его желание помочь бедным сиротам не идет вразрез со Священным писанием, так как «жена с девицею имеет большую разницу, как святые отцы и Писание утверждают».

В конце концов, чтобы уж действительно убедиться в правильности решения о Дивеевской обители, преподоб-

ный Серафим предложил помолиться Господу, чтобы тот сотворил им знамение. «И, указывая на одну огромную ель, промолвил: «Видишь ли это дерево, я думаю, что оно растет лет 150. Итак, если угодно будет Господу, чтобы мы устроили дивеевских сирот, то оно дерево преклонится в эту сторону, — показывая рукой, куда именно, — а если нет, то мы оставим сирот на волю Божию и память об них не будем творить». Увидев, что отец Иоанн сомневается в возможности знамения, преподобный добавил: «Молюсь о тебе, да не оскудеет вера твоя, и порерь мне, когда ты и убогий Серафим преклонят колена, то дерево непременно преклонится на показанное мною место».

Сразу после этого отец Иоанн отправился в монастырь, но по рассеянности своей и озабоченности повседневными заботами совершенно забыл о данном батюшке обещании помолиться о явлении знамения. И вдруг спустя какое-то время почувствовал необычайную радость, «благое чувство, приведшее душу мою в совершенный восторг» и кинулся бежать обратно в пустыньку. И каково же было его удивление, когда дерево, указанное преподобным Серафимом, действительно лежало, вывороченное с корнями, и верхушкой своей было направлено в указанную старцем сторону. Праведник встретил ученика с совершенно ангельским видом и, поклонившись до земли, спросил: «Что ты, мой возлюбленный Иоанн, ко мне пришел?»

Отец Иоанн распростерся ниц у ног старца и от изумления и преклонения перед его прозорливостью и приближенностью к небесной обители не мог ничего произнести. Преподобный Серафим поднял собрата по вере, подвел его к упавшему дереву и сказал: «Вот видишь ли, мой возлюбленный, апостол Павел говорит: все могу о укрепляющем мя Христе. Мы с тобой не Павел, а убогие люди, но Бог и нас слушает. Теперь видишь ли ты это знамение? Оно не ради нас, но ради сирот».

О предсказании смуты в обители — 1860 год.

С удивительной точностью предсказал отец Серафим волнения в Саровской обители. «Скоро, уж скоро никого

у вас не останется, (...) и как на Саров бури, так и на вас еще хуже Сарова будут бури! Но я вас поручаю Господу и Царице Небесной! Ничего не бойтесь, хотя бы и все на вас, да Господь-то за вас! Мать вам Сама Царица Небесная, а по Ней все управят!»

В разговоре со старицей Матреной Петровой преподобный Серафим сказал: «Радость моя! Когда ты доживешь, не на все смотри, что летит по воздуху, и не все то лови, что плывет по морю! Готовьте вы и сумочки, и лапотки, да они храпом-то берут ведь, матушка; так больше их заготавливайте, не ровен ведь случай!» Спустя много лет пророческие слова старца сбылись — во время смуты в обители ходило много речей, слухов и даже многие столпы обители покачнулись.

«Вот, доживешь ты, матушка, большое у вас будет смятение, — предсказывал преподобный старице Агафье Лаврентьевне, — большое смятение, и многие разойдутся! Готовьте лаптей, больше храпом лапти берутся; одни на ноги, другие за пояс! Ты, матушка, это увидишь, только ненадолго!»

А вот как предсказывал все эту же смуту в обители и дальнейшее процветание в Дивееве преподобный Серафим сестре Варваре Ивановне:

«Видела ли ты, матушка, коноплю?» — спросил отец Серафим сестру Варвару Ивановну. «Как, — говорю, — батюшка, не знать!» — «Конопля вещь хорошая, преполезная конопля, матушка! Вот и у меня в Дивееве-то девушки, что конопля хорошая! А когда ее полют-то, радость моя, чтоб лучше была, посконь-то выдергивают, матушка. Чай, тоже знаешь, видела, радость моя?» — «Как, — говорю, — не видеть, батюшка, и сама дергала!» — «Ну, во, во, матушка!» — ответил батюшка, — вот и помни; у вас то же будет. Как пополют да выдернут всю посконь-то, матушка, а конопля-то моя Дивеевская и загустеет еще более, еще выше поднимется да краше зазеленеет! Ты это помни, что я тебе говорю!..»

Предстоящую в обители смуту предсказывал святой Серафим и старице Акулине Ивановне Малышевой, когда та вместе с сестрой пришла навестить старца. «Вот, Марь-

юшка, ты-то не доживешь, а Акулинушка-то у нас и до судов доживет!» — начал старец. И видя, что женщины испугались его слов, стал утешать их: «Ничего, ничего, не убойтесь, матушка! (...) До судов доживешь, Акулинушка! Приедут суды к нам, станут судить, а чего судить?! Ха! Ха! Ха! Нет ничего!» И дальше, со слов Акулины Ивановны, продолжал: «Вот, — говорит, — Акулинушка, ты тогда мою заповедь себе и запомни, так и скажи: я глупа, я глуха, я слепа! Так и говори, Акулинушка». В те времена сестры ничего не поняли из слов преподобного, и только после смерти сестры Марьи, когда в обитель действительно приехали суды, смысл сказанных когда-то преподобным слов стал понятен.

Старице Прасковье Семеновне Мелюковой старец перед своей смертью сказал о предстоящей смуте: «Вот, матушка, упомни, как увидишь ты, что мой источник-то возмутится грязью, от кого он возмутится, тот человек всю обитель возмутит у вас! Тогда, матушка, не убойся и говори правду, и всем говори правду! Это тебе заповедь моя! Тут и конец твой!»

В то время невозможно было разгадать важность этого предсказания. Отдавая последние наставления дивеевским сестрам, старец настрого приказал им никого, кроме Михаила Васильевича Мантурова, Николая Александровича Мотовилова и священника отца Василия Никитича Садовского, «...не слушать и самим правиться, никому не доверяя, никого не допуская постороннего вмешиваться в дела обители. Кроме меня не будет у вас отца! Вручаю вас Самой Матери Божией, Она Сама вам Игуменья, а по Ней все управят!» И еще сестрам он часто говорил пророческие слова: «Вы до Антихриста не доживете, а времена Антихриста переживете!»

Предсказание величия и вознесения Казанской церкви

Отец Серафим очень тепло и трепетно относился к Казанской церкви. Собратьям по вере завещал он всегда ходить на службу в Казанскую церковь и не называть ее

приходской, поскольку со временем она присоединится к монастырю и будет теплым зимним собором обители. Старец превозносил высокую духовную энергию этого храма, освященного Богоматерью, и предсказывал ему вечную жизнь. «Казанская церковь... такой будет храм, какого и нет подобного! При светопреставлении вся земля сгорит... и ничего не останется. Только три церкви по всему свету, со всего света будут взяты целиком, неразрушенными, на небо: одна-то в Киевской лавре, другая (уж, право, не вспомню), а третья-то ваша, Казанская, матушка. Во какая она Казанская-то церковь у вас!

Все место, освященное подвигами матушки Александры и прочих, взойдет в этот храм, а теперешняя церковь останется лишь как бы ядрышком. Землю с обеих сторон Рождественской церкви непременно отгородите заборчиком: тут стопочки Царицы Небесной. Это земля святая! Матерь Божия обходила тут Свою-то церковь! Не ходите по этой земле» а загородите ее. Даже скотонке не позволяйте ходить тут. А травку-то полите, да и то к себе в обитель уносите ее с этого места, а так кидать не можете; травка эта святая, тут стопочки Царицы Небесной прошли!»

Предсказание об усыпальнице четверых мощей при Казанской Рождественской церкви

Преподобный предрекал, что со временем, по божьему соизволению, в монастыре должны быть открыты святые мощи первоначальницы матери Александры и всем велел каждый день утром и вечером ходить и кланяться ее могиле со словами: «Госпожа наша и мать, прости меня и благослови! Помолись, чтобы и мне было прощено, как ты была прощена, и помяни меня у престола Божия!» Отец Серафим исключительно высоко оценивал самоотверженную духовность и непрестанную заботу о ближних схимонахини Александры и предсказывал процветание обители в связи с открытием мощей святой: «Она святая была! Я и сам доньше ее стопы лобызаю! Теперь пока ничего у вас нет, а как Бог благословит, в мощах она у вас будет,

тогда все у вас явится; как источник потечет со всех сторон! Народ будет смотреть и удивляться, откуда что возьмется!»

Когда с благословения отца Серафима начали строить нижнюю Рождественную церковь, то все увидели, что поскольку свод потолка очень полог и низок, то для его поддержания необходимо поставить четыре массивных четырехугольных каменных столба. Сама церковь была низкая и маленькая, и всем казалось, что вынужденные опоры стеснят церковь, сделают ее похожей на склеп. Посланный в Саров М. В. Мантуров попытался объяснить старцу несовершенство проекта здания, но Серафим воспринял весть неожиданно радостно, восторженно: «Во, во, радость моя! Четыре столба — четверо мощей! Четыре столба — четверо мощей! Радость-то нам какая, батюшка! Четыре столба — ведь это значит, четверо мощей у нас тут почивать будут! И это усыпальница мощей будет у нас, батюшка! Во радость-то нам какая! Радость-то какая!»

Предсказание преподобного Серафима полностью сбылось — нижняя церковь стала усыпальницей четверых мощей при Казанской Рождественской церкви: схимонахини Александры, схимонахини Марфы, Елены Васильевны Мантуровой и блаженной Серафимы Серебрянниковой.

Предсказание о расширении территории Дивеевской обители

Отец Серафим неоднократно предсказывал судьбу Дивеевского монастыря в различных аспектах, в том числе во временном, человеческом, материальном, и все его предсказания, даже самые долгосрочные, удивительным образом исполнялись. Нисколько не сомневаясь, предрек старец и территориальное развитие монастырских владений. Монахиня Серафима свидетельствует о том, что преподобный, который фактически однажды только видел наяву Дивеевскую пустынь, с увлечением описывал ей проект благоустройства не принадлежащих монастырю окрестных земель: «У вас матушка-то первоначальница,

мать Александра, больших и высоких лиц была! Я и поднесь ее стопы лобзаю! Вот она обитель заводила, а я ее возобновлю! Там будет лавра... А что, матушка, много ли места-то от Казанской церкви, от самого алтаря ее, до мельницы?» — «Да тут десятины три будет, батюшка, — ответила я, — но земля-то это ведь чужая, только в середине место ваше, что под собор купили, а кругом живут церковники, да хлеб засевают мирские». Он опять спросил: «А от соборного-то места, матушка, до мельницы далеко ли и хороша ли тут земля!» Я говорю: «Земля-то хороша, батюшка, да ведь она не наша!» А он будто и не слышит, — говорит мне: «Ну вот, матушка, по правую сторону у нас будет трапеза...» Я перебила его и опять говорю: «Батюшка, да место-то хотя тут и очень большое, и земля-то хороша, но ведь она засеяна мирскими!» За молчал батюшка, склонил голову, потом вдруг и сказал: «Надобно променять!»

Предсказание отца Серафима вскоре сбылось: его товарищи по вере, духовные ученики М. В. Мантуров и Н. А. Мотовилов, частично выкупили вклинившиеся между монастырскими строениями земли, частично обменяли их на другие, благодаря чему территория монастыря приобрела со временем описанные старцем границы, а архитектурный облик претерпел увиденные им благотворные изменения.

Предсказания протоиерею Василию Садовскому

1. Вспоминая последние свои свидания с преподобным Серафимом, протоиерей Василий Садовский пишет, что «Предсказывая мне будущие на обитель скорби и буре, убеждал меня батюшка ничего не бояться, говоря: «Убогий Серафим умолит за обитель, батюшка, а Царица Небесная Сама ей Игуменья; тут же только наместница по Царице-то Небесной, все и управит, батюшка!» Чувствуя, что скоро покинет этот мир, святой старец настоятельно просил и даже требовал, чтобы обитель Дивеевская после его смерти оставалась в руках тех, кто ее действительно любил, — только это, по словам преподобного, могло

спасти их обитель от грядущих смутных времен: «Мать Божия Единая вам Госпожа и Владычица. Она Сама избрала место сие, взяв в удел его, как Афон, Она Сама собрала и собирает и избирает вас, Единая Она вам Игуменья ваша, вечно Верховная, игуменья же только наместница Владычицы, исполнительница воли Ее. Не подобает поэтому никому входить в наши дела! Вы достояние Самой Матери Божией и Царицы Небесной; Ей того не угодно!»

2. Удивительно, но кончину протоиерея Василия Садовского преподобный Серафим тоже предсказал. В своих воспоминаниях о старце Василий Садовский пишет, что во время его беседы со старцем тот сказал: «Подружье-то твое ранее тебя отойдет ко Господу... чрез два года после нее уйдешь и ты, батюшка! (Так и случилось!) Ты помни: двенадцать, а ты, батюшка, тринадцатый! (Когда двенадцать первых сестер умерли, тринадцатым умер отец Василий). И вот что заповедаю тебе: как умирать-то будешь, то чтобы тебе лечь с правой стороны алтаря Рождественской церкви, а Мишенька-то (Мантуров) ляжет с левой. Так и вели себя похоронить тут; вот хорошо и будет, батюшка; ты-то с правой, а Мишенька с левой, а я у вас посередке; вместе все и будем!»

О Крымской войне 1853—1855 годов.

Это предсказание отец Серафим сделал в 1831 году. Взя беседу о судьбах России, которые, как в открытой книге, читал Саровский старец, с одним из своих знакомых и почитателей, преподобный Серафим предсказал, что в недалеком времени на Россию восстанут три европейские державы и сильно ее разрушат. Однако, несмотря на это, добавил преподобный, Господь за Православие Россию помилует. Пророчество отца Серафима не замедлило свершиться — началась Крымская война, принесшая России и ее народу много бед и страданий. И все же Россия в той войне, как и предсказал отец Серафим, была помилована Господом.

О царствовании императоров Николая I (1825—1855) и Александра II (1855—1881)

В марте 1855 года императрица Мария Александровна, супруга императора Александра II, в беседе с А. Ф. Тютчевой вспоминала предсказание, сделанное преподобным Серафимом Михаилу Павловичу (Великому князю) о смерти его дочери, о его собственной смерти и о смерти императора Николая. По словам Марии Александровны, великий князь Михаил не хотел рассказывать того, что было предсказано о детях императора Николая, и говорил, что он откроет это только ей, императрице. Но этому не суждено было сбыться — великий князь Михаил умер, так и не решившись на признание. А Мария Александровна из этого сделала вывод, что пророчества старца Серафима, по всей видимости, были страшными и зловещими, что впоследствии и подтвердилось.

Из воспоминаний Тютчевой А. Ф.:

«1856 год. 1 января. Я послала императрице маленький образ Серафима, который должен был быть ей передан ровно в 12 часов. Я очень верю в молитву этого святого и уверена, что он оказывает ей особое покровительство, ибо он предсказал о ней еще прежде, чем она прибыла в Россию, что она будет «благодатная» и матерью для России и для Православной Церкви».

ПРОРОЧЕСТВА О СУДЬБАХ РОССИИ

Одно из пророчеств отца Серафима свидетельствовала княгиня П. В. Урусова.

До рождения Антихриста произойдет великая продолжительная война и страшная революция в России, по точному выражению отца Серафима, превышающая всякое воображение человеческое, ибо кровопролитие будет ужаснейшее: бунты Разинский, Пугачевский, Французская революция — ничто в сравнении с тем, что будет с Россией. Произойдет гибель множества верных отечеству людей,

разграбление церковного имущества и монастырей; осквернение церквей Господних; уничтожение и разграбление богатства добрых людей; реки крови русской прольются. Но Господь помилует Россию и приведет ее путем страданий к великой славе. И вот что еще писала П. В. Урусова в одном из писем:

«Я знаю о пророчестве преподобного Серафима о падении и восстановлении России; я лично это знаю. Когда в начале 1918 года горел Ярославль и я бежала с детьми в Сергиев Посад, то там познакомилась с графом Олсуфьевым, еще сравнительно молодым. Он для спасения каких-то документов, должных быть уничтоженными дьявольской силой большевизма, сумел устроиться при библиотеке Троице-Сергиевой академии. Вскоре был расстрелян. Он принес мне однажды для прочтения письмо, со словами: «Это я храню, как зеницу ока». Письмо, пожелтевшее от времени, с сильно полинявшими чернилами, было написано собственноручно святым преподобным Серафимом Саровским — Мотовилову. В письме было предсказание о тех ужасах и бедствиях, которые постигнут Россию, и помню только, что было в нем сказано и о помиловании и спасении России. Года я не могу вспомнить, так как прошло 28 лет, и память мне может изменить, да и каюсь, что не прочла с должным вниманием, так как год указывался отдельно, а спасения хотелось и избавления немедленно еще с самого начала революции. Простить себе не могу, что не списала копию с письма, но голова была так занята и мозги так уставали в поисках насущных потребностей для детей, что этим только успокаиваю и оправдываю свою недальновидность... Письмо помню хорошо».

О великой скорби

В одной из своих бесед с Мотовиловым преподобный Серафим, говоря о духовном состоянии последних христиан, оставшихся верными Богу перед концом мира, поведал нечто весьма важное во укрепление исповедников Христовых.

«И во дни той великой скорби, о коей сказано, что не спаслась бы никакая плоть, если бы избранных ради не сократились оные дни, в те дни остатку верных предстоит испытать на себе нечто подобное тому, что было испытано некогда Самим Господом, когда Он, на Кресте вися, будучи совершенным Богом и совершенным человеком, почувствовал Себя Своим Божеством настолько оставленным, что возопил к Нему: «Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» Подобное же оставление человечества благодатью Божиею должны испытать на себе и последние христиане, но только лишь на самое краткое время, по миновении коего не умедлит вслед явиться Господь во всей славе Своей и все святые ангелы с Ним. И тогда совершится во всей полноте все, от века predeterminedное в Предвечном Совете».

Что ждет Россию?

Россию невидимая рука вовлекла в стихийный круговорот невероятного страдания: события — одно страшнее другого, преступления, имени которым нет на обыкновенном языке, хаос мыслей, чувств, настроений — и над всем торжествующее царство ненависти, нечеловеческой злобы и общей муки, на кровавые клочья рвущих сердца всех, кто еще не утратил того, что прежние люди звали сердцем.

Кто живет жизнью своей Матери — Православной Церкви, тот знает, откуда и за что ниспосылаются эти муки, знает он также и к чему готовят человечество эти страдания, но... «Прочие же люди, которые не умерли от этих язв, не раскаялись в делах рук своих, так чтобы не поклоняться бесам, и золотым, серебряным, медным, каменным и деревянным идолам, которые не могут ни видеть, ни слышать, ни ходить, и не раскаялись они в убийствах своих, ни в чародействах своих, ни в блудодеянии своем, ни в воровстве своем...» (Апокалипсис 9, 20, 21).

Так не к этим «прочим» я теперь обращаю это слово — «дух заблуждения» так властно овладел теперь их душой, что «верить они могут только лжи», — а к тем «избран-

ным», ради которых должны сократиться эти дни, в подкрепление и в радость их веры: пусть к ним идет, если Богу угодно, слово мое, да не «поклонятся они зверю, говоря: кто подобен зверю сему и кто может сразиться с ним?»

Отец Амвросий Оптинский, говоря о близости исполнения времени и объясняя 7-й стих второй главы Второго Послания к фессалоникийцам, в котором указывается признак времени явления антихриста, — той «тайны беззакония», которая «не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь», — под «теперь удерживающим» разумел царя или царскую, самодержавную, ничем и никем не ограниченную власть.

Толкование великого старца, подвижника и прозорливца, еще так недавно отошедшего от нас ко Господу, живо еще в памяти всех его современников, свято чтущих и соблюдающих в своих о нем воспоминаниях каждое его даже вскользь пророченное слово.

Признак этого близкого пришествия антихриста указан и святыми отцами Православной Апостольской Церкви и истолкован ими в том же смысле.

О царской власти

Современник преподобного Серафима Саровского и его почитатель Николай Александрович Мотовилов записал о беседе своей с Саровским отшельником относительно царской власти. Записи свои Мотовилов озаглавил так:

«Копия с ответа моего Следственной Комиссии — секретно спрашивавш(е)й мнения моего о житии батюшки отца Серафима, прочитанного мною в рукописи, сочиненной бывшим иеродиаконом и поверенным Саровской пустыни, ныне же (1844 год) иеромонахом и казначеем Святыя Троицко-Сергиевския лавры, отцом Сергием — написанного во Святой Саровской Пустыни 1840 года 1 или 2 сентября и сего 1844 года с 26 на 27 октября там же начавшегося переписываться мною:

«Тамбовской Духовной Консистории Чл(е)ну Соборному Ключарю, протоиерею Никифору Телятинскому и рода Кадома соборному протоиерею, Иоанну Розанову.

Симбирского помещика, действительного студента Николая Александрова Мотовилова «Объяснение...».

Комментируя записи Мотовилова относительно его беседы с Серафимом Саровским о царской власти, С. А. Нилус, исследователь жизни преподобного Серафима, говорит, что слова Саровского отшельника «не без пророческого, по моему разумению, указания на события и лица, нам современные». Чтобы в этом убедился и наш читатель, приводим в точности записанное Мотовиловым в ночь с 26 на 27 октября 1844 года в Саровской пустыни:

«...а в доказательство истинной ревности по Боге приводил он (преподобный) святого пророка Илию и Гедсона и, по целым часам распространяясь о них своею боговдохновенною и усладительнейшею беседой, каждое суждение свое о них заключал применением к жизни собственно нашей и указанием на то, какие мы и в каких наиболее обстоятельствах жизни можем из житий их извлекать душеспасительные наставления. Часто поминал мне о святом царе, пророке и богоотце Давиде, и тогда приходил в необыкновенный духовный восторг. Надобно было видеть его в эти неземные минуты! Лицо его, одушевленное благодатию Духа Святого, сияло тогда подобно солнцу, и я, поистине говорю, что, глядя на него, я чувствовал лом в глазах, как бы при взгляде на солнце. Невольно приводил я на память себе лицо Моисея, только что сшедшего с Синая. Душа моя, умиротворяясь, приходила в такую тишину, исполнялась такую великою радостью, что сердце мое готово было вместить в себя не только весь род наш человеческий, но и все творение Божие, преизливаясь ко всем Божественною любовью.

«Так-то, ваше боголюбие, так, — говаривал батюшка, скача от радости (кто помнит еще сего святого старца, тот скажет, что и он его иногда видывал как бы скачущим от радости), — избрах Давида, раба Моего, мужа по сердцу моему, иже исполнит вся хотения Моя... — и прибавляя: — Блаженно царство, имеющее такого царя!»

Разъясняя же, как надобно служить царю и сколько дорожить его жизнью, он приводил в пример военачальника Давида, Авессу.

«Однажды он, — так говорил батюшка Серафим, для утоления жажды Давидовой прокрался в виду неприятельского стана к источнику и добыл воды и, несмотря на тучу стрел из неприятельского стана, пущенных в него, возвратился к нему ни в чем не вредимым, неся воду в шлеме, сохранен будучи от тучи стрел только за усердие свое к царю. Когда же что приказывал Давид, то Авесса отвечал: «Только повели, о царю, и все будет исполнено по-твоему». Когда же царь изъявил желание сам участвовать в каком-либо кровопролитном деле для обозрения своих воинов, то Авесса умолял его о сохранении своего здоровья и, останавливая его от участия в сече, говорил: «Нас много у тебя, а ты, государь, у нас один. Если бы и всех нас побили, то лишь бы ты был жив. Израиль цел и непобедим. Если же тебя не будет, что будет тогда с Израилем?..»

О восстании на Сенатской площади

Трудно усомниться в правильности предсказаний святого Серафима относительно восстания декабристов на Сенатской площади. И подтверждение этому — записи Н. А. Мотовилова:

«Батюшка отец Серафим пространно любил объясняться о сем, хваля усердие и ревность верноподданных к царю, и, желая явственнее истолковать, сколько сии две добродетели христианские угодны Господу, говаривал:

«После Православия они суть первый долг наш русский и главное основание истинного христианского благочестия».

Часто он от Давида переводил разговор к нашему великому государю императору и по целым часам беседовал со мною о нем и о царстве русском; жалел о зломыслящих против всеавгустейшей особы его. Явственно говоря мне о том, что они хотели сделать, он приводил меня в ужас, а рассказывая о казни, уготовляемой им от Господа и удостоверяя меня в словах своих, прибавлял:

«Будет это непременно: Господь, видя нераскаянную злобу сердец их, попустит их начинаниям на малое вре-

мя, но болезнь их обратится на главу их и на верх их снидет неправда пагубных замыслов их. Земля русская обогрится реками кровей, и много дворян побиено будет за великого государя и целость самодержавия его, но не до конца прогневается Господь и не попустит разрушиться до конца земле русской, потому что в ней одной преимущественно сохраняется еще Православие и остатки благочестия христианского».

Когда же, утраченный его рассказом, я спросить хотел о государе: что будет тогда с ним? — то он, не дав мне и выговорить, отвечал мне на мысль мою:

«А ты уж, батюшка, не о нем пекись, — его Господь сохранит: он велик перед Богом, он — в душе христианин».

И это всегда почти любимые его выражения о государе, которые он и в прочих беседах своих со мною о нем говаривал, приводя к тому и доказательство. И это я сам лично слышал из уст его и готов сказать во всеуслышание не только в России, но и целому миру, повторяя с отцом Серафимом: «Блаженны мы, что имеем такого царя!»

Кстати, не могу умолчать и о том, что, по словам келейника его, Павла, батюшка отец Серафим в день самого бунта 14 декабря 1825 года, поутру в этот день, спокойно перекладывая дрова около своей келии, вдруг стал бегать, восклицая: «Драка! Драка!»

И на вопрос отца Павла: «О чем это ты, батюшка, кричишь так?» — отвечивал: «В Петербурге бунт противу государя!» — и стал подробно объяснять, что там в это время происходило.

Восстание на Сенатской площади

Существует еще одно пророчество преподобного Серафима о восстании на Сенатской площади.

Двадцатые годы XIX века. Саровская обитель. Старец Серафим, весь проникнутый любовью, добротой, строго взирает на приближающегося к нему офицера и отказывает ему в благословении. Прозорливец знает, что тот — участник заговора будущих декабристов. «Гряди, откуда пришел», — решительно говорит ему преподобный. Под-

водит затем великий старец послушника своего к колодезю, вода в котором была мутной и грязной: «Так и этот человек, который приходил сюда, намеревается возмутить Россию», — произносит праведник, переживающий за судьбу русской монархии.

О царствовании императора Николая Павловича

То, что после восстания на Сенатской площади на престол взойдет Николай Павлович, преподобный Серафим также — по словам келейника его, Павла, бывшего неотлучно при преподобном — как следует из записей Мотовилова, предсказал.

Когда же, через несколько после того дней, взошел на престол ныне благополучно царствующий государь император, Николай Павлович, то батюшка отец Серафим, еще до получения о том известий, говорил:

«Ну вот, это так! Слава Богу, слава Богу! Царя богоизбранного даровал Господь земле русской! Сам Господь избрал и помазал его на царство!»

И тому же келейнику своему, Павлу, преподобный Серафим неоднократно говорил:

«Я всегда молюсь, чтобы Господь продлил жизнь его, для счастья России».

Церкви Православной жить!

На жалобы Мотовилова о том, что Православная Церковь в бедствии, что души и тела людей все больше и больше оскверняются, погрязают в разврате, что безбожие — вот удел России, преподобный Серафим отвечал ему:

«Илия Фесвитянин, жалуясь Господу на Израиля, будто весь он преклонил колено Ваалу, говорил в молитве, что уж только один он, Илия, остался верен Господу, но уже и его душу ищут изъять... Так что же, батюшка, отвечал ему на это Господь? — Седьм тысяч мужей оставих во Израили, иже не преклониша колен Ваалу... Так, если во Израильском царстве, отпадшем от Иудейского,

верного Богу, царства и пришедшем в совершенное разращение, оставалось еще семь тысяч мужей, верных Господу, то что скажем о России? Мню я, что во Израильском царстве было тогда не более трех миллионов людей. А у нас, батюшка, в России, сколько теперь?»

На ответ Мотовилова, что, по его предположению, будет около шестидесяти миллионов, святой старец продолжал:

«В двадцать раз больше. Суди же сам, сколько теперь у нас еще обретаются верных Богу! Так-то, батюшка, так-то: их же предуведе, сих и предъизбра; их же предъизбра, сих и предустави; их же предустави, сих и блюдет, сих и прославит. Так о чем же унывать-то нам?! С нами Бог! Надеющиеся на Господа, яко гора Сион, не подвижется в век живой во Иерусалиме. Горы окрест его, и Господь окрест людей Своих. Господь сохранит тя, Господь покров твой на руку десную твою. Господь сохранит вхождение твое и исхождение твое отныне и до века. Во дни солнце не ожжет тебе, ниже луна нощию».

На вопрос Мотовилова, что значат слова преподобного, к чему он это говорит, тот отвечал:

«К тому, — отвечивал батюшка отец Серафим, — что таким-то образом хранит Господь, яко зеницу ока Своего, людей Своих, то есть православных христиан, любящих Его и всем сердцем, и всею мыслию, и словом, и делом, день и ночь служащих Ему. А таковы — хранящие всецело все уставы, догматы и предания нашей Восточной Церкви Вселенской и устами исповедующие благочестие ею преданное, и на деле во всех случаях жизни творящие по святым заповедям Господа нашего Иисуса Христа».

Пророчество о невесте Мотовилова

Невероятно интересным является тот факт, с какой точностью (вплоть до месяца) предрек святой Серафим невесту своему великому почитателю Мотовилу. Николай Александрович, будучи сильно влюбленным в Языкову Екатерину Михайловну, дворянку, соседку его по име-

нию, сильно просил преподобного Серафима помолиться о ней и, более того, попросить Бога, чтобы он нарек эту девушку ему в невесты.

Старец с улыбкой выслушал влюбленного юношу, задал не один вопрос относительно того, что так привлекло его друга в этой девушке и неожиданно спросил о возрасте мотовиловской избранницы. Услышав, что девушке примерно шестнадцать-семнадцать лет, старец замахал руками:

«Что Вы, батюшка, Ваше Боголюбие! Нет, нет! Вашей, от Бога Вам предначерченной невесте, теперь 8 лет и несколько месяцев, этак 3 или 4, а уж едва ли более 5 месяцев, а ведь, по новому постановлению Синода, нельзя мужчине моложе 18 лет, а девушке 16 — вступать в брак. Так не подождать ли Вам Вашей Богом предначерченной невесты этак 8 или 10 лет? А то как же Вам теперь жениться на ней?! Никак нельзя — молода еще очень».

А относительно того, чтобы просить Бога о той или иной невесте, как этого добивался от святого старца Мотовилова, отец Серафим отвечал:

«Ведь иное, Ваше Боголюбие, просить Господа Бога, чтоб Он предначерк кому невесту — как вот Вы, например, просите теперь, чтобы я, убогий, упрости Господа, чтоб Он Вам предначерк в невесты Языкову, — а иное, когда Господь уже Сам кому какую невесту предначерчи соизволил — как вот, например, для Вашего Боголюбия. Невесте Вашей теперь не более 8 лет и 3, 4 или 5 месяцев. Уж это, поверьте, в точности верно, и сам я, убогий Серафим, Вам в том свидетельствовать готов».

Разговор этот Мотовилова с Серафимом Саровским происходил в октябре 1831 года. И уж никак не мог тогда поверить и даже предположить Николай Александрович, что пророчества преподобного сбудутся. А вышло именно так: в 1840 году, спустя 9 лет после вышеописанного разговора со святым Серафимом, Мотовилов обручился с семнадцатилетней красавицей Еленой Ивановной, племянницей двух дивеевских монахинь Марии Семеновны и Прасковьи Семеновны Милюковых. Этот брак, как и предсказал преподобный, был угоден небесам —

прожили Мотовилов с Еленой Ивановной в любви и согласии долгие годы, до самой старости.

Предсказание преподобного Серафима о царствовании императора Николая II

Письмо из департамента полиции

В семье царей Романовых из поколения в поколение передавалась легенда о существовании предсказания преподобного Серафима Саровского, которое относилось и к будущим царям этой фамилии. Текст предсказания предположительно был записан одним отставным генералом и, по соображениям Александра III, должен был находиться в архиве жандармского корпуса, бывшем одновременно и архивом самодержавия. Однако поиски письменного источника в указанном хранилище ни к чему не привели. И все же к моменту восхождения на престол Николая II письмо это нашли в департаменте полиции. Вот что там говорилось о судьбе последнего российского монарха:

«В начале царствования сего монарха будут несчастья и беды народные. Будет война неудачная. Настанет смута великая внутри государства, отец подыметя на сына и брат на брата. Но вторая половина правления будет светлая, и жизнь государя долговременная.

Данное предсказание преподобного Серафима было опубликовано в 1917 году после вынужденного отречения Николая II от престола государства Российского и сложения с себя верховной власти, но еще до его расстрела. Публикуя это пророчество преподобного Серафима по уникальному документу из департамента полиции, издателя, вероятно, хотели посмеяться над «несбывшимся» пророчеством: вторая половина земного правления Николая II была уже невозможна, а сам государь находился под арестом, и можно было предполагать печальное окончание его земного бытия вплоть до скорой мученической смерти.

На первый взгляд, буквальное толкование текста прорицания дает основания для иронического отношения:

в конце царствования Николая II страна была ввергнута в пучину многолетней изнурительной войны, духовной смуты и революционного беспорядка — то есть предсказание сбылось как бы в зеркальном отражении, с точностью до наоборот. Далекие от христианского мирозерцания публикаторы, естественно, никак не могли ни воспринять как «светлые» последние годы правления самодержца, ни тем более «жизнь государя долговременной» в преддверии его мученической кончины.

Материалистический взгляд на окружающее не позволяет понять истинный смысл пророчества преподобного Серафима, которое истолковывается словами Апокалипсиса о вечной жизни в Новом Иерусалиме, Царстве Небесном: «Храма же я не видел в нем; ибо Господь Бог Вседержитель — храм его, и Агнец. И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего; ибо слава Божия осветила его, и светильник его — Агнец. Спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою, ворота его не будут запираться днем, а ночи там не будет. И принесут в него славу и честь народов; и не войдет в него ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни... И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их; и будут царствовать во веки веков» (Апокалипсис, 21, 22—27, 22, 5).

Данное пророчество преподобного Серафима подтверждается также целым рядом сходных предсказаний других угодников Божиих.

Предрек свою кончину

Еще за год до смерти отец Серафим почувствовал крайнее изнеможение. В это время он достиг 72 лет. По-прежнему подавая многим верующим благодатные исцеления и содействуя благоустройству и спасению многих даром своей прозорливости, преподобный Серафим начал теперь предрекать и о своей близкой кончине. Часто, давая кому-то наставления, он неожиданно говорил: «Мы с то-

бою более не увидимся». Некоторые просили позволения навестить его еще Великим постом, но он отвечал:

— Тогда двери мои затворятся, вы меня не увидите.

Незадолго до кончины преподобный поручил послать некоторым близким ему лицам письма, призывая их к себе в обитель, а другим, которые не могли поспеть к нему, просил после смерти своей передать от него душеполезные советы, при этом прибавлял:

— Сами-то они меня не увидят!

В воскресенье 1 января 1833 года святой старец в последний раз пришел в больничную Зосимо-Савватиевскую церковь, приложился ко всем иконам, сам поставил свечи и потом причастился по обычаю святых Христовых Тайн. По окончании литургии он простился со всеми молившимися братьями, всех благословил, целовал и, утешая, говорил:

— Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте, днесь вам венцы готовятся.

Потом святой старец приложился к святому Кресту и иконе Божией Матери и затем, обойдя вокруг престола и сделав ему обычное поклонение, вышел из алтаря северными дверями, как бы знаменуя этим, что одними воротами — путем рождения — человек входит в жизнь, а другими — воротами смерти — оставляет ее. На следующее утро сердце преподобного Серафима биться перестало.

«...Когда умру, кончина моя откроется пожаром»

Предрек святой Серафим и пожар, которым открылась его кончина. Задолго до смерти на все предостережения относительно никогда не угасавших свечей в его келье старец ответил:

— Пока я жив, пожара не будет, а когда умру, кончина моя откроется пожаром. — Так и было.

2 января часов около шести отец Павел, выходя из своей кельи на раннюю литургию, почувствовал близко запах дыма. Постучал с молитвою в двери к отцу Серафиму, но ответа не было. Когда же дверь взломали, то увидели

коленипреклоненного пред малым аналоем старца (в такой позе он и умер), а рядом на столе — тлеющие холщовые вещи и книги.

«Среди лета запоете Пасху»

«Среди лета запоете Пасху», — предсказал преподобный Серафим монахиням дивеевским. И действительно, 19 июня 1903 года запели в Сарове и Дивееве Пасхальные песнопения — на открытии мощей святого старца, ибо при жизни он часто пел именно Пасхальные стихиры, а входящих встречал словами «Христос воскрес, радость моя!» Однако, сказав о «Пасхе среди лета», преподобный тут же добавил: «Но эта радость будет на самое короткое время: что далее, матушки, будет... такая скорбь, чего от начала мира не было!» После этих слов старец опустил голову, приник к земле и горько заплакал. Это предсказание старца действительно не замедлило свершиться — спустя немногим более двух десятков лет после прославления мощей преподобного, с приходом советской власти, начались неслыханные ранее гонения на церковь и ее служителей.

О будущем своих мощей

В записях Мотовилова сказано, что он часто слышал от великого старца, что тот плотью своею в Сарове лежать не будет. Набравшись смелости, Николай Александрович как-то спросил: «Как же, батюшка, Вы изволите все говорить, что Вы плотию своею лежать не будете. Нешто Вас Саровские отдадут?» И на сие батюшка, приятно на меня взглянув и улыбнувшись, изволил мне ответить следующее: «Ах, Ваше боголюбие, Ваше боголюбие. Какие вы. Уж на что царь Петр, то был царь из царей, а захотел мощи (святого) благоверного князя Александра Невского перенести из Владимира в Петербург, а (святые) мощи не пожелали, и в Петербурге их нет». — «Как же нет? Как же нет? — осмелился я возразить великому старцу. — Как же нет, когда он почивает там в Александро-Невской Лавре». —

«В А(лександро)-Н(евской) Лавре, говорите Вы, — ответил мне батюшка. — Как же так, во Владимире они почивали на вскрытии, а в Петербурге под спудом. Почему же так, а потому, Ваше боголюбие, что их там нет». И, много распространившись по сему предмету, батюшка отец Серафим изволил мне открыть великую тайну. «Мне, — сказывал, — убогому Серафиму, от Господа Бога положено жить гораздо более ста лет. Но так как к тому времени архиереи русские так онечестивятся, что нечестием своим превзойдут архиереев греческих во времена Феодосия Юнейшего, так что даже и важнейшему догмату Христовой веры — Воскресению Христову и всеобщему воскресению веровать не будут, то посему Господу Богу угодно до времени меня, убогого Серафима, от сея превременная жизни взять и затем, во утверждение догмата Воскресения, воскресить меня, и воскрешение мое будет, яко воскрешение седми отроков в пещере Охлонской во времена Феодосия Юнейшего. По воскрешении же моем я перейду из Сарова в Дивеев, где буду проповедовать всемирное покаяние. И на сие великое чудо соберутся в Дивеев люди со всех концов земли, и там, проповедуя им покаяние, я открою четверо мощей и сам между ними пятым лягу. Но тогда уж настанет и конец всему». Пророческие слова святого старца сбылись — через 80 лет после его кончины, в 1903 году, в Дивееве состоялось открытие мощей преподобного, на котором присутствовала почти вся царская семья.

Предречение приезда всей царской семьи в Дивеево

На открытие мощей преподобного Серафима в Саров прибыла почти вся царская семья. Перед отправлением в обратную дорогу все заехали к Елене Ивановне Мотовиловой, у которой, было известно Николаю II, хранится для него письмо от преподобного Серафима. Это письмо старец написал, запечатал мягким хлебом, передал Николаю Александровичу Мотовилову, сказав при этом (что очень интересно) следующее:

«Ты не доживешь, а жена твоя доживет, когда в Дивеево приедет вся Царская Фамилия, и Царь придет к ней.

Пусть она ему передаст». Все в точности так и случилось, как предсказал Серафим, — Николая Александровича уже не было в живых, а Елена Ивановна приезда царской семьи дождалась.

Что касается письма, то, прочтя его, царь Николай II горько плакал. Придворные успокаивали его, говорили, что несмотря на то, что преподобный Серафим святой, он может ошибаться, но государь был безутешен. Содержание этого письма осталось никому не известно. Есть только предположение, что в письме этом — найденном уже после гибели Николая II в департаменте полиции — пророчество Серафима, касающееся трагической смерти царя и его семьи.

Приезд всей царской семьи в Дивеево и прославление своих мощей пророчил преподобный Серафим и старице Евдокии Ефремовне (монахини Евпраксии). Вот что вспоминает она о своем разговоре со старцем: «Вот этот лес, что Горячев ключ-то называется, это наш лес будет, матушка! (Что и исполнилось в 1869 году.) Тут могут быть и пчелки у нас, потому что хороший приют тут будет, и вода близко, и всякий цвет... И какая радость-то будет, но мы не доживем и я не доживу, как собор-то у нас пятиглавый будет! Только и ты, матушка, не узришь, как это совершится. А будет-то он в середине двух церквей, против Казанской церкви, а тут напротив нее будут святые врата, и какая радость-то будет, какая радость-то будет!.. Хоть ты и не доживешь, как собор-то совершится, а ведь какая радость-то тогда будет! Четверо мощей будут у нас, матушка!.. Приедет к нам Царь и вся Фамилия! Дивеево-то лавра будет, Вертяново — город, а Арзамас — губерния! Станут все приходить к нам, матушка, запирайтесь для отдыха-то будем; станут деньги давать, только берите; в оградку станут кидать, а нам уже не нужно, много своих тогда будет, матушка!»

О будущем воскрешении

«...Господу Богу благоугодно будет взять меня, убогого Серафима, до времени от сея привременная жизни и по сем воскресить...» — говорил старец Н. А. Мотовилову,

добавив потом, что по воскресении своем он из Сарова перейдет в Дивеев и там откроет проповедь всемирного покаяния.

По этой причине игуменья Мария 23 года не освящала левый придел в Дивеевском соборе. Она верила, что, как предсказано, доживет до прославления преподобного Серафима. И, дожив до 84 лет, осватила придел в святое его имя!

— Да, мой батюшка, Сергей Александрович, — говорила она С. А. Нилусу в августе 1903 года, — великое это чудо. Но вот будет чудо так чудо. Это когда крестный-то ход, что ныне шел из Дивеева в Саров, пойдет из Сарова в Дивеев, «а народу-то, — как говаривал наш Угодничек-то Божий, Преподобный Серафим — что колосьев в поле. Вот то-то будет чудо чудное, диво дивное».

— Как это понимать, матушка? — любопытствовал С. А. Нилус.

— А это — кто живет, тот увидит, — таков был ответ игуменье Марии.

И так действительно случилось. Мощи преподобного Серафима были возвращены Церкви, перевезены из Ленинграда в Москву и, наконец, перенесены в Дивеево. Тысячи людей присутствовали при исполнении этих последних предсказаний.

«Придет время, и мои сиротки в Рождественские ворота, как горох, посыпятся»

Долгие годы после смерти преподобного Серафима рассказывали о том, как на праздник Рождества Богородицы старец сказал: «Придет время, и мои сиротки в Рождественские ворота, как горох, посыпятся». Все недоумевали — какие это такие ворота будут? Спустя много лет после кончины преподобного тайна его пророческих слов открылась. Вот что рассказывает об этом схимонахиня Маргарита:

«В 1927 году, на наш престольный праздник — Рождество Богородицы, в два часа начиналась малая вечерня. Я в звонарях была. Подошла к двери на колокольне — ме-

ня хватать сверху!.. Красна шапка — милиционер! «Стой!» — не дает открывать. — «Как «стой»? Нам уже время!». — «Вам, — говорит, — время, а нам нет».

В недельный срок монастырь был закрыт.

И разлетелись мы кто куда. А дождик лил!.. Люди на нас и Господь на нас! Сестры вспомнили: «Батюшка Серафим, вот и «Рождественские ворота»! Власти нам предложили: можете оставаться, но только не одевайте монашескую одежду, будьте как все люди. И в мастерской, где работать, чтоб икон не было, а поставьте Ленина. На это никто не согласился. Был у нас тогда тайно один архиерей. Он сказал: «Вот вас из монастыря выгонят, а монашество свое берегите».

«...Придет время, без всяких хлопот прикажут вам быть монастырем»

Сбылось еще одно из пророчеств преподобного Серафима о Дивееве. В свое время он запрещал сестрам называть Казанскую церковь, бывшую еще при нем, приходской, хотя и при жизни святого старца, и до самого закрытия в 1927 году эта церковь, в отличие от монастырских, была именно приходской. Преподобный говорил, что церковь эта будет монастырской, а Казанская, но уже мирская, будет в другом месте. Все получилось, как и предсказал преподобный Серафим. «Не хлопчите и не доискивайтесь, и не просите монастыря, — так говорил преподобный первым дивеевским сестрам, — придет время, без всяких хлопот прикажут вам быть монастырем, тогда не отказывайтесь». Как подтверждение слов преподобного, в 1988 году Дивеевский исполком неожиданно выделил для строительства церкви дом прямо над источником Казанской Божией Матери. В настоящее время в Дивееве действуют 2 церкви.

Об антихристе и дивеевской канавке

В своих записках Василий Садовский говорит: «Много чудного говорил батюшка Серафим об этой канавке. Так,

что «канавка эта — стопочки Божией Матери! Тут ее обошла Сама Царица Небесная! Эта канавка до небес высока! Землю эту взяла в удел Сама Госпожа Пречистая Богородица! Тут у меня, батюшка, и Афон, и Киев, и Иерусалим! И как Антихрист придет, везде пройдет, и канавки этой не перескочит!» Рыли сестры эту канавку до самой кончины батюшкиной; к концу его жизни, по приказанию его, и зимою рыть не переставали; огонь брызгал от земли, когда топорами ее рубили, но батюшка Серафим переставать не велел. Когда дело не шло на лад, то приказал хоть на один аршин или хотя бы и на пол-аршина рыть, только бы почин сделали, а там после дороют!

Первая старшая мельничной обители Прасковья Степановна свидетельствует, что много чудного про эту канавку говорил батюшка Серафим. «Вот, матушка, — говорил он мне, — знаете, что место это Сама Царица Небесная избрала для прославления имени своего. Она всегда, во веки будет вам стена и защита, и антихрист не сможет перейти ее!»

Сестра Ксения Васильевна (монахиня Капитолина) так вспоминает о рассуждениях преподобного Серафима относительно канавки: «О канавке говорил мне батюшка, да и всем говаривал, что потому она так вырыта, что это самая тропа, где прошла Царица Небесная, взяв в удел Себе обитель. Тут стопочки Царицы Небесной прошли! «Стопочки Царицы Небесной, матушка! — так, бывало, и задрожит весь, как это говорит-то. — Она, Мать-то Божия, все это место обошла, матушка! Вы и землю-то когда роете, не кидайте так и никому не давайте, а к себе же в обитель, в канавку-то и складывайте! И скажу тебе, матушка, кто канавку с молитвой пройдет да полтора ста Богородиц прочтет, тому все тут: и Афон, и Иерусалим, и Киев!»

В другом месте старица Прасковья Ивановна вспоминает о рассуждениях отца Серафима: «У вас канавку рыть надо! — раз так-то заботливо говорит мне батюшка Серафим. — Три аршина чтобы было глубины и три ар-

шина ширины и три же аршина вышины, воры-то и не перелезут!» — «На что, — говорю, — батюшка, нам ограда бы лучше!» — «Глупая! Глупая! — говорит, — на что канавку? Когда век-то кончится, сначала станет Антихрист с храмов кресты снимать да монастыри разорять, и все монастыри разорит! А к вашему-то подойдет, подойдет, а канавка-то и станет от земли до неба, ему и нельзя к вам взойти-то, нигде не допустит канавка, так прочь и уйдет!»

Старица Феодосия Васильевна сообщила следующее: «Страдая падучею болезнию, пришла я к батюшке Серафиму, он и говорит мне: «Ступай, радость моя, в Дивеево рыть канавку; эту канавку Сама Царица Небесная Своим пояском измерила, так что когда и Антихрист-то придет, то канавка эта не допустит его туда!» — «Батюшка, — говорю я ему, — я ведь больна, вот так-то и так-то!» Выслушав, взял он меня за плечи и, нагнув главу мою, прочитал молитву. Тут же почувствовав себя совершенно здоровою, я поступила в обитель, и болезнь не возвращалась ко мне уже более никогда».

То же самое говорил о канавке, как преграде для Антихриста, преподобный Серафим еще одной из дивеевских сестер Евдокии Трофимовне: «Вот, матушка, — начал отец Серафим, сев у источника, — скажу вам, придет время, у нас в обители все будет устроено; какой собор будет! Какая колокольня! А келии и ограда будут каменные, и во всем будет у вас изобилие!» После этого отец Серафим заплакал и сказал: «Но тогда жизнь будет краткая. Ангелы едва будут успевать брать души! А кто в обители моей будет жить, всех не оставлю; кто даже помогать будет ей, и те муки будут избавлены! Канавка же будет вам стеною до небес, и когда придет Антихрист, не возможет он перейти ее; она за вас воззовет ко Господу и стеною до небес станет и не впустит его! А колокол-то московский, который стоит на земле, около колокольни Ивана Великого, он сам придет к вам по воздуху и так загудит, что вы пробудитесь и вся вселенная услышит и удивится».

«Вот скажу тебе, — говорил мне батюшка Серафим, будет у вас два собора; первый мой-то собор холодный; куда лучше будет Саровского-то, и будут они нам завидовать! А второй-то собор, зимний Казанский, ведь церковь-то Казанскую нам отдадут! Вы и не хлопчите, придет время еще поклонятся да и отдадут ее нам. И скажу тебе, вельми хорош будет мой собор, но все-таки еще не тот этот дивный собор, что к концу-то века будет у вас. Тот, матушка, на диво будет собор! Подойдет Антихрист-то, а он весь на воздух и поднимется, и не сможет он взять его. Достойные, которые взойдут в него, останутся в нем, а другие хотя и взойдут, но будут падать на землю. Так и не сможет достать вас Антихрист-то; все равно как в Киве приходили разбойники, а церковь-то поднялась на воздух; достать-то они ее не могли. Так вот и собор ваш и канавка поднимутся тоже до неба и защитят вас, и не сможет ничего вам сделать Антихрист! И при том соборе время придет такое у вас, матушка, что ангелы не будут попевать принимать души, а вас всех Господь сохранит, только три из вас примут мученье; трех Антихрист замучит! Ведь Дивеев-то диво будет, матушка, четверо мощей в Рождественской церкви у нас почивать будут!»

О конце мира

Один монах, испугавшись, что наступает конец мира и великий день второго пришествия Господня, решил спросить об этом у святого старца. Серафим понял, что монахом руководит не желание получить наставления, а всего лишь праздное любопытство, потому, не дождав-шись еще вопроса, стал отвечать ему: «Радость моя! Ты много думаешь о убогом Серафиме; мне ли знать, когда будет конец миру сему и тот великий день, в который Господь будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его? Нет, сего мне знать невозможно». Монах, напуганный тем, что прозорливец угадал его вопрос, в страхе припал к ногам старца. Серафим поднял монаха и стал говорить дальше: «Господь сказал Своими пречистыми усты: о дни том и часе никтоже весть: ни ангелы небес-

ные, токмо Отец Мой Един. Яко же бо бысть во дни Ноевы: тако будет и пришествие Сына Человеческого. Якоже бо беху во дни прежде потопа, ядуще и пьюще, женящиеся и посягающе, донего же дни в ниде Ноев ковчег, и не уведеша, дондеже прииде вода и взят вся: тако будет и пришествие Сына Человеческого!» Тяжело вздохнув, старец продолжил: Мы, живущие во грехах, далеко отступили от путей спасения; мы невоздержны, не храним постов святых; не соблюдаем ни среды, ни пятницы, едим мясо даже во святую Четыредесятницу, не думая о том, что сим нарушаем церковные и апостольские правила, гневим Господа, широко отворяя для входа в лукавое сердце свое двери страстям и порокам, а вслед за ними и казням Божиим. Исправимся, да Господь нас помилует! Возлюбим Церковь Святую и Православную, возлюбим веру, как наше твердое и благодатное ограждение; да будет правда нам в броню и благочестие в щит спасения. Ими Россия будет славна, крепка и необорима, и врата адовы не одолеют нас!»

СОДЕРЖАНИЕ

СЕРАФИМ САРОВСКИЙ	3
ПРОРОЧЕСТВА	25
ОБ УСТРОЕНИИ ДИВЕЕВСКОЙ ЛАВРЫ	26
ПРОРОЧЕСТВА О СУДЬБАХ РОССИИ	41

Издание для досуга

100 ПРОРОЧЕСТВ СЕРАФИМА САРОВСКОГО

*Автор-составитель
Кульбеда Елена Ласканьевна*

Ответственный за выпуск *В. В. Адамчик*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.05.03.
Формат 84X108 ¹/₃₂- Бумага типографская. Печать
высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 3,36.
Тираж 11 000 экз. Заказ 1222.

Фирма «Современный литератор».
Лицензия ЛВ № 319 от 03.08.98.
220029, Минск, ул. Киселева, д. 47, к. 4.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от
27.08.02. РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

Перед вами жизнеописание
и свод пророчеств великого
христианского духовного
подвижника, святого старца
Серафима Саровского
(1759–1833). чьи пророческие
откровения являются не плодом
воображения, а следствием
абсолютного подчинения
собственной воле Создателя.
Среди откровений Саровского –
пророчества о голоде и холере
в России, о Крымской войне
1853–1856 гг., восстании
декабристов, царской власти
и власти большевиков,
о своей кончине и многие другие.

ISBN 985-14-0415-2

9 789851 404151